

Н. А. ПЕТРОВ

РЕФОРМЫ: ЗА ЧЕЙ СЧЁТ БАНКЕТ?

16+

Николай Петров

РЕФОРМЫ: за чей счёт банкет?

«Автор»

2019

Петров Н. А.

РЕФОРМЫ: за чей счёт банкет? / Н. А. Петров — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-03790-8

Почему средняя зарплата в РФ 49 тыс., а на руки мы получаем 10-25 тыс.рублей, почему экономика как бы растёт, а прибыли нет, нет кризиса, а предприятия - банкроты с огромными долгами есть, почему Роснефть и Газпром - государственные компании, а нам они как не родные, почему вакансий много, а работы нет и как бы нет безработных... На все эти вопросы и многие другие я ищу ответ в этом сборнике. Экономика глазами кабинетного чиновника высокого ранга, для которого средние показатели - скрытая оценка его работы - это одно, и другое дело глазами рядового гражданина. Та же статистика, но другие выводы. В условиях рынка нам важно научиться это понимать. Особенно, когда идём на выборы.

ISBN 978-5-532-03790-8

© Петров Н. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Вместо предисловия	5
Кризис экономики – условие процветания «элиты»	13
О ВВП, предпринимателях и предпринимательской способности	23
О капитальном ремонте и спонсорах ЖКХ	39
Государство и бизнес. Общая цель или конфликт интересов?	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Николай Петров

РЕФОРМЫ: за чей счёт банкет?

Вместо предисловия

Мои заметки о месте в современной российской экономике рядовых граждан, не обремененных ни властью, ни какими-либо полномочиями с привилегиями, я обращаю к тем, кого волнует будущее наших детей, кто оказался на обочине, точнее, на пути, по которому прокатился локомотив реформ, раскрепощая предпринимательскую инициативу и считая всё, что нельзя в одночасье присвоить, кто остался равнодушен к тому, как меняется идеологический, культурный и экономический ландшафт в стране, кому набилась оскомину пропаганда недавнего прошлого, перекрашенная в черный цвет. Потоки грязи в адрес предыдущих поколений – творцов нашей истории, тех, кто, несмотря на исключительно тяжелые условия быта до революции 1917 г. и после неё, тюрьмы и расстрелы выстроил сверхдержаву, голословные обвинения в кровожадности самой идеи социализма, служили только одной цели – создать иллюзию, что все эпизоды в истории, а особенно советский период, когда страна расширялась и укреплялась – это цепь преступлений и больше ничего. Преступным путём энтузиазм в народе не поднимаешь. А именно так, прежде всего на энтузиазме, отстраивалась страна. Осуждать конкретные преступления конкретных людей во власти – это можно понять. Но судить Историю...!? Осудить христианские заповеди, заимствованные коммунистической идеологией, а заодно и идеалы французской революции – свободу, равенство, братство, и предложить вместо них пошлость, нескончаемые фестивали и шоу на фоне обнищания людей, чудовищное расслоение общества путём избирательной приватизации того, что обещало пролиться золотым дождём (не гнушаясь тем, что это тоже советское наследие), неравенство и человеконенавистничество, считая их более чем адекватной заменой – это надо обладать очень искаженным пониманием добра и зла.

Молодёжь (к счастью, не вся) часто всё принимает за чистую монету, не утруждая себя задуматься, почему то, что говорят сегодня, противоречит тому, что говорили тогда.

«Лес значительнее, чем моё описание леса; предмет не исчерпывается моим к нему отношением», – писал М. Пришвин. Отмечая эти слова Пришвина, А. Варламов, его биограф в серии ЖЗЛ, резюмировал: «Жизнь всегда права».

Как это верно в отношении Истории, потому что летопись жизни – это лишь представление о ней с множеством фактов. Так при описании природы нельзя учесть всех биохимических процессов, протекающих в ней, а только то, что доступно – их внешнее проявление. Складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны только по истечении нескольких десятилетий суд Истории выносит свой приговор конкретным событиям, а с другой – надо понимать, что контекст ускользает. У каждого отрезка истории есть своя внутренняя жизнь и её внешнее проявление. Потомкам часто остаются события, которые лежат на её поверхности, а внутренние пружины, внутренняя жизнь осталась у тех, кто пережил ту эпоху. Поэтому в оценке прошлого нельзя отрывать от исторического контекста и правильней доверять очевидцам с объективным взглядом на события, участникам событий и документам. К сожалению, с конца 80-х годов прислушиваться к настоящим историкам, оперирующим фактами, к тем, кто имел большой положительный опыт управления заводом, отраслью или страной, стало считаться вредоносным (совок!).

Совсем дурной тон – исказить и то, что было на поверхности, что легко доказывается или опровергается. Например, однажды я прочитал в «Вечерней Москве» заметку о том, что шоколад был в советское время запрещён, как буржуазный продукт. Диву даёшься, как с такими

пещерными знаниями одни пишут заметки, а другие их публикуют. Автор даже не удосужилась в интернете проверить свои дремучие, не знаю уж какой пропагандой навязанные «знания», чтобы убедиться, что этого «буржуазного» продукта было в стране достаточно на полках магазинов. И тогда он был намного лучше по качеству, чем теперешний «Марс». И таких примеров много.

В этом сборнике статей, я, как рядовой потребитель товаров и услуг (поскольку реформы теперь направлены на строительство общества не творцов, но потребителей), попытался увидеть нутро этого самого общества потребления (в надежде, что оно недолго будет владеть умами сегодняшней молодёжи), которое строят наши поборники реформ через перераспределение в свою пользу накопленных богатств и доходов, а не путём подъёма экономики, что оно даёт простым людям, и изложить свои впечатления на бумаге. Прежде всего, я задаю вопросы сектору рыночных отношений, потому что государственный сектор в какой-то мере начал оживать: достижениями в ВПК (хотя и опирающимися на советские разработки) можно гордиться. Рынок – обернулся он благом для нашего народа или сделал его всего лишь статистической единицей для сбора налогов – вот предмет для анализа. Так ли уж эффективен частный капитал по сравнению с государственным, как о нём слагают легенды (или мифы!) его пропагандисты?

Еще я преследую цель – побудить всех, кто интересуется экономикой страны, а, следовательно, и своим благополучием, задуматься, почему так складывается, что земля наша богата, а порядка как не было, так и нет. И дело даже не в голове, с которой начинает гнить рыба (хотя и в этом тоже), а дело сейчас в том, что народ, напуганный крушением всех надежд в 90-е годы, привык относиться к событиям по формуле: лишь бы не было хуже. И он приходит на выборы, чтобы «голосовать за стабильность». И не досуг ему задуматься: стабильность чего? Стабильность в катастрофическом сокращении рабочих мест, стабильность в стимулировании и наполнении рынка дешевой рабочей силой из сопредельных не очень богатых на нефть и газ государств, лишении работы своих граждан, стабильность нищенской пенсии, зарплаты или вообще отсутствия постоянного заработка у значительной части населения страны? Стабильность равнодушия чиновников к обращениям граждан, отсутствия понимания, чем живёт подавляющая часть народа? Президент говорит о необходимости внимания к нуждам людей, а мы почему-то этого внимания на себе как не ощущали, так и не ощущаем. Правда, последнее время то там, то здесь люди опять стали напоминать о себе: объявляют голодовку, когда не платят зарплату. Когда я говорю о народе, я подразумеваю не тех, кто получил свои рентные преимущества, не тех, кто смог адаптироваться в рыночных условиях, а о тех, кого отправили искать удочки (как любили говорить в 90-е), пока сверху распределяли ресурсы. Миллиардные долги по зарплате – это миллионы судеб. Я о тех, кто привык работать и не задавать лишних вопросов, даже когда это вопросы о жизни и смерти.

Есть люди у нас, которые готовы постоять за свои интересы, даже рискуя здоровьем. Речь не о либералах, которые и сегодня называют народ, за интересы которого они якобы борются, скотом. Я о тех, кто занят работой или поиском работы и привык к дисциплине и доверию власти. Но на выборах идут и голосуют за то, что предлагает власть, даже если доверие пошатнулось. Их спросили: вы «за» сохранение страны? Они ответили – «за». И страну сразу развалили. Значит, так надо было, решили они. И на улицы никто не вышел с протестом, потому что всех кто против, записывали в красно-коричневые. Демократия в действии. Народ до нитки обобрали в 90-е годы, а он всё равно проголосовал в 1996 г. (или не голосовал?) за ту власть, которая расстреляла («демократия» же!) законный парламент и в итоге привела страну к дефолту в 1998 г. («эффективные» же управленцы!). Сегодняшние члены Кабинетов в лицах не многим отличаются от активистов 90-х годов, если судить по результатам трудов их. Некоторых с почётом увольняли, но суть правления в части приоритетов не менялась: управление экономикой через приватизированную денежную массу и финансовая прибыль – на первом месте,

системообразующий крупный бизнес и чиновник на втором, молодые лидеры России (кадровый резерв с прицелом на карьерный рост, на ура принявший реформы) – на третьем, народ – где-то там, дальше, промышленное развитие и не упоминается. Открытым остаётся вопрос: когда случится новый дефолт? Прогноз – вещь неблагодарная, особенно у нас, когда всё зависит от чиновника (которому часто «до лампочки» проблемы экономики, если они не касаются его кармана), а не экономических законов. Законов!, а не анархии.

Я не буду возвращаться к вопросу о законности приватизации. Но замечу: обрушение экономики и шельмование народа начались именно с того, что государство организовало приватизацию таким образом, чтобы обеспечить свободу сбыта западных неликвидов в России и вывоза переработанного сырья из неё. В конце 80-х Запад находился в трудном экономическом положении и крах такой крупной страны, как СССР, давал шанс. Не будем также забывать, что именно в 90-е годы СССР из промышленной державы и преимущественно кредитора превратился в Россию без промышленности, без боеспособной армии и в должника.

Не знаю, как у кого, но у меня вызывает сомнение законность приватизации, по крайней мере, в трёх случаях: 1) когда это осуществлялось фактически за государственный счет (за счет всего населения страны, как "Юкос"; что-то не верится, что он один такой на всю страну), при этом соотношение балансовой стоимости предприятий и курса рубля к иностранным валютам позволял иностранным «партнёрам» и «консультантам» всё купить оптом; 2) когда ресурсы, добываемые из земли (принадлежавшие государству, т.е. народу по Конституции СССР), стали вдруг средством обогащения не страны и не народа, а небольшого процента избранных, в т.ч. иностранных(!); и 3) когда приватизация мгновенно приводила к искусственному банкротству приватизированных предприятий. В первом и втором случаях приватизация – это незаконное обогащение, говоря юридическим языком, в третьем – откровенная демонстрация неспособности оголтелых сторонников радикальных реформ управлять экономикой и их мелкохищническое стремление быстро превратить средства производства в наличные деньги. Кому принадлежат недра страны сейчас, конституция умалчивает. Убрали этот пункт, – и природные ископаемые уже не общенародная собственность, в отличие от многих стран, где доходы от углеводородов распределяют по счетам своих граждан. Приняли закон «О недрах», согласно которому недра объявлены государственной собственностью (не общенародной!), но пользователями этих недр могут быть иностранные граждане (ст.9). Своему народу энергоресурсы по рыночной цене, плюс акцизы, плюс налоги, а свободное пользование – монополиям в т.ч. с иностранным участием. ТАСС сообщает 27.01.2017 г.: «Сбор НДПИ в 2016 г. снизился примерно на 300 млрд. рублей из-за динамики цен на нефть». Об этом доложил глава ФНС М. Мишустин. Но ведь налог называется не с цены – ФОБ-граница Родины, а «налог на добычу», т.е. с объёма. При этом динамика к понижению цены случается на внешнем рынке, на внутреннем только растёт. Глава ФНС спутал налог с таможенной пошлиной, которая колеблется между ценой реализации на внешнем рынке и аппетитом на получение прибыли частной компанией. Это же разные вещи. Выходит, налог на добычу взимается не с того, что вышло из скважины, а того, что пересекло границу? Не мудрено, что те, кто добывает нефть и газ, налоги на добычу природных ископаемых платят, но ровно столько, сколько могут себе позволить – с цены на мировых рынках. Она часто ниже, чем внутренняя цена на Санкт-Петербургской бирже. При этом добыть может любой сколь угодно много (в рамках лицензии; но кто добычу отслеживает?). В том числе иностранный пользователь, у которого цена будет, безусловно, низкая, потому что перепродаёт скорее всего сам себе. Как бы эти цели расхищения и лоббирования чужих интересов не отрицали, по факту всё выглядит именно так. А чтобы у новых поколений не было лишних вопросов, законодательство переписали так, чтобы всё было как бы(!) законно. Поэтому налог на ископаемые оказался в зависимости от цены на внешнем рынке. Именно «как бы», потому что всё что делается, противоречит даже либеральной конституции. Она утверждает: «единственным источником власти в РФ является её многонациональ-

ный народ», а что только не делается за спиной народа, в т.ч. расхищение невозобновляемых ресурсов. Она утверждает, что «охраняются труд и здоровье людей», а 3/4 экономики целенаправленно разрушено, больницы, медпункты в малонаселённых поселениях закрываются, государство не только не попыталось сохранить рабочие места, оно способствовало их ликвидации, передавая в частные руки, и люди лишились права на труд и на здоровье. Нарушение конституции (даже либеральной) – налицо. Почему это произошло? Потому что эти положения Конституции, соприкасаясь с жизнью, демонстрируют не права народа, а лицемерие чиновников, пришедших в 90-х годах к власти, которым «западные ценности» ближе, чем эти ничему не обязывающие положения Конституции. В результате к нам пришла не свободная конкуренция (с кем иностранцам конкурировать, с руинами?), а диктатура западных интересов и так называемой западной демократии, которая продемонстрировала полное подобие любой другой диктатуре, когда есть одно «правильное» мнение, все остальные взгляды – «реакционные». Более того, если вспомнить заголовки газет, – другие мнения были приравнены к идеологии фашизма. Вспомните начало XX века, когда французский, английский и бельгийский капитал в стране преобладал и диктовал, чему развиваться в России – сырьевым отраслям и средствам их доставки. То, что мы наблюдаем сегодня, подтверждает правило: история повторяется на очередном витке спирали и опять не в пользу народа. Запад не готов и не намерен с нами (и вообще с кем-либо) делиться комфортом, которого он достиг (и которым пользуется) в т.ч. за счет других народов. Все, кто хочет к нему присоединиться, ограничиваются мизерными квотами на производство и поставки – это чтобы не ущемить интересы коллективного Запада, не повлиять отрицательно на занятость в Евросоюзе. Президент США это открыто называет: защищать «наши (американские) интересы». Проблема Запада заключается в том, что всё меньше стран и народов, которые готовы за банку баварского пива и туалетную бумагу отдать суверенитет страны и предоставить на разграбление свои природные ресурсы. Россия оказалась такой одной из немногих в конце XX века. Новая власть намеренно к этому вела, ибо так (открыв границы) ей было легче добиться на первых порах расположения народа, чем самой заниматься устройством жизни внутри страны. Что значит «рынок отрегулирует»? Это значит отдать страну под власть анархии. Но анархия ещё нигде, никогда, ничего не отрегулировала. Отрицать регулирующую роль государства (ФРС в США, как и финансовая система Евросоюза, не отрицают роль государства) может только человек, не понимающий разницу между регулятором общественно-экономических, кредитно-финансовых отношений и анархией. Для достижения такого же комфорта своим трудом в собственной стране нужны знания, умение, опыт и многие годы, а личные дворцы, яхты и самолёты ревнивым «радетелям за интересы народа» требовались сразу, на следующий день после прихода к власти.

Теперь что касается сознания населения: пока он за стабильность, а не за развитие, изменить что-либо в экономической политике очень сложно. Уже выросло поколение, которое не знает, что такое индустриальное общество и чем оно отличается от общества потребления. Оно не знает, что такое великие стройки и энтузиазм, с которым молодёжь ехала эти стройки поднимать. Нынешнее молодое поколение приучают не созидать, а только потреблять. Все институты власти направлены на пропаганду идей стабильности и потребления. Но чтобы потреблять, надо где-то зарабатывать. К чему толкает общество потребления? Добывать деньги любым путём. Что делать, когда законных путей – раз, два и обчёлся: продавцы, охранники, водители. Всё более востребованной, соответственно состоянию жилого фонда, становится профессия сантехников. Для цифровизации рынков и банков – программисты. Вот эти вакансии – показатель уровня развития нашей рыночной экономики сегодня. Все предыдущие достижения слили в канализацию вместе с идеями равенства и братства. Как и производство качественных товаров. Общество потребления – это общество производства отходов. Погоня за прибылью стимулирует воспроизведение как раз не очень надёжной техники, не очень хороших и качественных товаров, чтобы потребитель, не успев попользоваться, их выбрасывал и покупал новые. Те,

кто умеет только критиковать и разрушать, создали Институт экономики переходного периода (по аналогии с социализмом, который, как нам объясняли, являлся переходным этапом к коммунистическому обществу). Разница состоит в том, что если в переходный этап от капитализма к коммунизму была создана индустриальная база уже за 20 лет, а после разрушительной Отечественной войны эта база была восстановлена за 10 лет, то переходный этап обратно от социализма в капитализм, который уже длится 30 лет, не принёс пока никаких, заметных хотя бы для статистики, положительных результатов: число крупных предприятий сократилось в 3–4 раза (и продолжает сокращаться) по сравнению с 1991 г. О чем это говорит? О неэффективности работы института (учитывая, что он – главный теоретик «переходного периода», с ним консультируется Правительство). Что закономерно: люди, консультирующие Правительство, проявили свои способности пока только в деградации экономики, а не в её строительстве. Причина лежит в либеральной теории, где ключевым инструментом является не капитал (как в капиталистическом обществе), и даже не финансы, а псевдоденьги, которые быстро научились превращать в доллары США. На последних президентских выборах четко прозвучало: «импортозамещение не нужно (из выступления доверенного лица кандидата в Президенты России К.Собчак в 2018 г.), нужно просто торговать». Это значит, что промышленного развития в планах тех, кто намерен войти во власть, вообще нет. Слава Богу, власть имущие сегодня не во всём согласны с либеральными «консультантами» в экономической политике касательно роли государства, но в Совете по культуре их слишком много, и мы видим, как она деградирует: на "Русском радио" русская народная песня – не формат (Е.Маркина). Как можно понять людей, пришедших на выборы и проголосовавших за эти партии, когда нам прямо говорят, что их представители своим экономическим положением довольны, и им развитие не нужно? Вот они – за стабильность, и мотивы их понятны. Нам внушали: командная экономика неэффективна. А рыночная, которая привела к сокращению производства, промышленного потенциала, рабочих мест и даже продолжительности жизни. Эффективна? Если опросить миллион человек: что лучше, рабочие места и зарплата при командной экономике или, как сейчас, их отсутствие в рыночной? Не думаю, что большинство будет за рыночную со всеми её плюсами. В жизни как в законодательстве: всё прописали, но ничего не гарантировали.

Прислушиваться надо не к тем, кто привёл страну к банкротству, а теперь принялся критиковать от лица народа тех, кто отстранил их от власти, а к тем, кто умеет создавать (например, производство и рабочие места, ибо чтобы потреблять, надо сначала заработать деньги, а не наоборот). Еще мне могут возразить: советский режим преуспел в строительстве крупного производства, но какой ценой? Традиционный, хотя и справедливый вопрос. Но я бы добавил: во имя чего? Бессмысленно отрицать заслуги режима, который вывел страну на путь социального, культурного и экономического подъёма. Цена заплачена немалая. Вечная память тем, кто пострадал невинно. Кровь невинных жертв лежит на руках конкретных людей, в т.ч. на тех, кто не гнушался писать доносы. Их кровь – это не следствие и не вина проекта построения социально справедливого государства, а практики воплощения его в жизнь и реальных исторических условий. Многие пострадали потому, что не согласны были с государственным курсом (как и депутаты Парламента, расстрелянного в 1993 г.). Повстанческие крестьянские движения в 1918–1921 годах против продразвёрстки часто носили вооруженный характер и возглавлялись анархистами, которые признавали местные Советы и выступали против центральной власти. Это было чревато раздроблением государства, а разъяснять малограмотному населению проблемы укрепления не только власти, но и государства, не было возможности в условиях военного времени. Помимо запутавшихся и пошедших за анархистскими лозунгами много было и таких, кто открыто и скрытно сопротивлялся (красный террор хронологически – это ответ на белый террор), потому что терял свои привилегии и привычный комфорт (как сегодняшний коллективный Запад), манипулировал сознанием людей, привлекая их на свою сторону. Много было в лагерях преступников (разве кто-нибудь станет утверждать, что в совет-

ском государстве было совершенно покончено с преступностью?), которые строили каналы, добывали руду и валили лес. Оказавшись в одном ряду с политическими заключенными, они превратились в постсоветское время в «узников совести». Особенно ярко мы наблюдаем это по событиям на Украине. Реформаторы 90-х годов жестко осудили то, что было в СССР и «под соусом» «заботы о человеческих ценностях» включили свой репрессивный аппарат сначала против отдельных личностей, например, С. Бондарчука, а потом и против всего старшего поколения (очень демократично!): они стали «наследниками воров» (из интервью одного из лидеров реформ). Презрительное отношение к народу и нежелание считаться с его мнением привели к дележу «вотчин», не разбирая границ, вместе с людьми, ставших заложниками реформ. В результате брат пошел на брата в Одессе, Донецке, Горловке и Луганске, возникли конфликты на Кавказе и в Азии. Везде, где Россия поднимала промышленность, развивала национальную культуру, она вдруг превратилась в «оккупанта». Из всех южных республик (кое-где с оружием) изгоняли наших соотечественников (об этом, наконец, откровенно заговорили в кино и литературе). Перечисленные конфликты принесли жертв не меньше, чем гражданская война в начале XX века. Российские граждане нищали на глазах. Бывшие интеллигентные люди пошли продавать старые вещи или побираться, чтобы выжить. Немало талантливых и умных выехало за границу из-за невостребованности. Масштабы такого рода репрессий против собственного народа несопоставимы с ГУЛАГом, потому что охватили всю страну и все слои общества.

Большевиков, заключивших Брестский мир, упрекали в развале страны. Но подлинный развал России, как наследника Российской империи, начался в 1991 г. Во имя чего были затеяны реформы? Чтобы развалилась страна, рухнула экономика, которая создавалась многими поколениями, и осталась только свобода засорять мозги молодёжи пустой демагогией о мнимых свободах, безвкусицей в культуре и возможностью критиковать власть? Но ведь даже и это не для всех – только для тех, кто разделял идеологию карательных реформ и получил доступ к средствам массовой информации. Что также противоречит даже либеральной конституции. Попробовал бы кто-нибудь возразить. Парламент возразил, и вот эта «свобода слова» черной меткой от пушечных выстрелов на Белом доме оставила след в истории страны. Пытливого читателя, которого заинтересовал этот «след», отсылаю к брошюре С. Говорухина «Великая криминальная революция».

А своими заметками я вместе с читателем пытаюсь понять, что скрывает от нас официальная пропаганда и статистика. Взялся я за этот анализ в связи с тем, что надоело слушать заявления о подъёме, о том, что «спасли от голода» (за счет нефти и газа – кто бы не смог? но они даже это не смогли). Именно в конце 80-х – начале 90-х голые полки магазинов стали приметой времени, – показатель неумения управлять и созидать, потому что поросли сорняком миллионы гектар пахотных земель после развала колхозов и совхозов. Позже стало что-то меняться, жизнь стала налаживаться благодаря тому, что укрепился государственный сектор экономики. Темпы банкротств упали, однако частный бизнес так и остался НЕнадёжной структурой: работа здесь не гарантирует ни зарплату достойную, ни стаж, ни занятость, ни будущее. Судьба простых людей отдана во власть стихии рынка, который всё регулирует избирательно в интересах иностранцев: фирм, предпринимателей, рабочих рук. При этом по статистике, в среднем, оказывается, происходит чудодейственное возрождение всех слоёв общества. Но народ – это не те, кто обживает апартаменты внутри Садового кольца и имеет связь с Кремлём. Откровенный бардак 90-х был остановлен, стал наводиться порядок. Но это – ещё не благополучие. Это был сделан только первый шаг. В остальном пока – болото.

Мы наслушались пропаганды о плюсах рыночной экономики в пользу широкого потребителя, о преимуществах капиталистического способа производства (!), причем слышим это от тех, кто его (производство) в действительности разрушал последние 30 лет. Приметой капитализма является товарное производство, а не восточный базар. Более того, я готов согласиться

с некоторыми преимуществами свободного рынка производства и обеспечения общества комфортными условиями и товарами, оставив за скобками вопрос качества. Но какое это имеет отношение к тем, кто начал с того, что всё разрушил «до основания», а затем был призван человек старой формации (Е. М. Примаков), который с трудом смог остановить этот курс на банкротство и дальнейшее разрушение государства? Как только остановил – его тут же сняли. Вывод напрашивается сам собой: на одном сырье не капитализм мы строим, а скорее протекторат, подвассальную территорию (хоть и с возродившейся армией), поскольку, по мнению доморощенных теоретиков рынка, не нужно никакое производство, надо как можно больше добывать нефти и газа и на них покупать всё, что нужно для комфортной жизни избранных. Заявления Президента о том, что надо развивать несырьевые отрасли, пока остаются словами. Потому что именно так (если кто-то забыл) планы строили лидеры реформ в начале 90-х годов. Именно так, по словам американского президента Клинтона, Россию взяли голыми руками без применения атомного оружия. Президент ставит цель уходить от сырьевой зависимости, но одобряет работу Правительства и Центрального банка, которые продолжают курс 90-х годов. Сейчас доморощенные «капиталисты» у нас строят офисы для западных производителей и торговые центры для продажи их продукции, пропаганда навязывает мысль о том, что важно не промышленное производство, а производство услуг, т.е. услуг по обслуживанию их производства. Мы-то теперь уже знаем, что это за услуги, часто навязываемые, потому что большинство предложений раздаётся по телефону, и они с признаками мошенничества (с этим, убеждён, столкнулся едва не каждый потребитель в стране). И государство не спешит защитить население, оно всегда опаздывает. Если говорить о реальных услугах, то, уверен, без промышленности не может быть и услуг, тем более, связанных с производством. Торговля – это только торговля. Поэтому ни один разумный человек в признаки или преимущества капиталистического способа производства её не причислит. Тогда какой же это капитализм? Что касается торговли, то она была и в средние века, и при рабстве. Частный капитал – как единственный признак российского капитализма? Глупость. Частники торговали на рынке и при феодалах и при социализме. Это просто частный капитал, бумажки, полученные взамен станкам, отправленным на металлолом.

Торговый капитал, если уж судить строго классически, не капитал вовсе. «Понятие капитал (согл. «Экономикс» Макконел и Брю, стр.26) охватывает все произведённые средства производства... Термин «капитал» не подразумевает деньги».

В своих размышлениях я исхожу из официальной, часто противоречивой, статистики, с тем, чтобы за внешне благополучной витриной (по телевизору) разглядеть реальную картину, а не навязываемую пропагандой. Программа ТВ ОТР в этом помогает.

Многим покажется, что ничего нового я не предложил – всё можно найти в интернете. Согласен. Выводы можно делать только когда есть с чем сравнивать.

Я использую преимущественно официальные данные, на основе которых делаю расчеты. А расчеты – это всего лишь метод статистического анализа, математика. А она беспристрастна. Личностные эмоциональные оценки без желания кого-либо обидеть – невольная реакция на результат математических расчетов.

Выводы напрашиваются сами собой. При этом я никого не склоняю безусловно соглашаться с моими аргументами. Не везде я тщательно исследую то или иное явление, важно обозначить тенденцию, потому что официальная статистика удивительно нестабильна: Росстат часто пересматривает свои таблицы по ВВП, инфляции, потребительским ценам. Я лишь призываю задуматься над тем, что мы тяжело пережили либеральные реформы 90-х годов, и наступать на те же грабли, особенно когда идём на выборы, было бы верхом безумия. Не менее тяжело переживаем оберегаемое сегодня государством расслоение общества, когда отдаются предпочтения росту богатства у 10% избранных в ущерб социально-экономическому положению всего остального населения.

Расчетами я попытался восполнить недостающую информацию о реальной экономике страны и положении тех, кто остался невидим за среднестатистическими данными, чтобы каждый человек мог сам сделать свой выбор и свои выводы.

Приношу извинения за многочисленные повторы, но при публикации статей в интернете повторы были необходимы, т.к. не предполагали, что читатели видели ранее опубликованные таблицы и читали выводы, которые из них следовали. Переписывать статьи заново не имело смысла – суть проблем, мотив, побудивший к их написанию, и выводы от этого не изменились бы: ведь главная цель – увидеть тенденцию. К публикации в центральной прессе статьи не принимали, т.к. свобода слова в нашей стране не распространяется на мнения, отличные от официальной точки зрения. Поэтому и прибег к публикации сборника, чтобы убедиться, что не всё так плохо со свободами, можно при желании найти если не окно, открытое к ветру перемен, именуемых «свободой слова», то хотя бы форточку.

Мои заметки могут кому-то показаться слишком пессимистичными. Поэтому в заключение хочу повторить вслед за Александром Зиновьевым: "Отчаиваться не надо". Время покажет, кто прав.

Кризис экономики – условие процветания «Элиты»

Последнее время пресса и вообще СМИ много пишут о стрессоустойчивости российской экономики, но, наблюдая жизнь вокруг себя и просматривая кое-что из статистики, я вижу, что до оптимизма нашей экономике еще далеко. Чтобы объективно оценить перспективы, абстрагируемся от некоторых факторов субъективного характера. Например, смена лидеров может резко поменять вектор развития в худшую или лучшую сторону, поэтому утверждать что-либо, имея опыт 90-х годов, – это слишком самонадеянно. А принимать тупиковую ситуацию, когда механизм не работает, за стрессоустойчивость, – значит демонстрировать свою некомпетентность. Либеральный подход к профессиональной подготовке и расстановке кадров, как показывает жизнь, усугубляет ситуацию. Кроме того, к некоторой дезориентации при принятии управленческих решений может привести отсутствие объективной информации. Когда цифры «греют душу», и никто не задает неудобных вопросов, складывается идиллическая картина, что всё хорошо. А сложил цифры, сопоставил – всё плохо. Я попытался сравнить рост ВВП с темпами роста факторов, на него влияющих, и увидел, что «пазлы» не сходятся. Более того, увидел, что стресс в экономике – это фактор, на который всё ещё положительно отзывается наш российский бизнес, для него это – благо: больше безработных – дешевле рабочая сила, сочувствие фискальных органов, которое проявляется в снижении экспортных пошлин и вместе с тем рост цен, а с ним и рост доходов. Рост частных состояний 10% самых богатых и бегство долларов за границу (2014 г. – отток 151 млрд. \$ странным образом совпадает с максимальным ростом рублёвой денежной массы относительно темпов роста ВВП) – тому свидетельство. Такая стрессоустойчивость.

Известно, что за период с 2009 г. по 2014 г. номинальный ВВП вырос с 38807,2 млрд. р. до 70975,6 млрд. р. (в обновленной версии Росстата было уже 71406,4 млрд. руб., потом оказалось – 77945,1 млрд. руб. – только успевай исправлять таблицы, но принципиального значения это для нашего анализа не имеет). Итак, посмотрим, как рос ВВП:

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Номинальный ВВП, млрд. руб.	38807,2	46308,5	55799,6	62599,1	71016,7	77945,1
Козф. роста к 2009 году	1	1,19	1,44	1,61	1,83	2,01
Козф. дефлятор	1,02	1,142	1,155	1,085	1,05	1,072
Реальный ВВП, млрд. руб.	38046,27	40550,35	48311,34	57695,02	67634,95	72709,98
Козф. роста к 2009	1	1,07	1,27	1,52	1,78	1,91

(Росстат. Макроэкономические показатели.)

Констатируем следующее: рост реального ВВП отстал от роста номинального на 10%. При этом индекс-дефлятор вырос на 64% (Росстат). Логично предположить, что реальный ВВП, если следовать расчетной формуле, в 2009 г. должен был составить 47–48 млрд. руб. (77945,1/1,64). Арифметика Росстата не сходится. Впрочем, не удивлюсь, если цифры все уже поменялись.

Обратимся к индексам потребительских среднегодовых цен (в % к предыдущему году):

2009	2010	2011	2012	2013	2014
1,0636	1,0711	1,0365	1,0605	1,054	1,10665

Здесь мы видим, что цены на потребительские товары и услуги за период с начала 2009 г. до конца 2014 г. выросли на 46,06%. На наш обывательский взгляд индекс роста потребительских цен (ИПЦ) может незначительно отличаться (в большую сторону) от индекса – дефлятора, а он ниже почти на 20%. Причем, если ИПЦ учитывает (в отличие от дефлятора) импортные цены (которые растут соответственно росту курса доллара, а это плюс 21%), то логично предположить, что ИПЦ должен быть выше на 20%, чем индекс – дефлятор. В нашем случае всё наоборот. Смотрим денежную массу М2 – выросла в 2,4 раза. Таким образом, убеждаемся, что рост номинального ВВП на коэффициент 2,04 раза (вместо 1,64) скорее связан с ростом денежной массой, чем с товарной. Цены чуть отстали, но это значит, что они обязательно нагонят отставание. ВВП будет снова корректироваться.

Возникает вопрос: на что пошли дополнительно выпущенные деньги?

Средняя заработная плата, если верить официальной статистике, выросла в 1,74 раза. Если предположить, что часть денег действительно пошла на увеличение доходов всего населения (а не только номенклатуры), то должен быть и рост оборота розничной торговли. Действительно он вырос в 1,8 раза (если верить статистике). Однако темп роста заработной платы уступает темпам роста ВВП, которые в свою очередь уступали темпам роста денежной массы.

Отношение темпов роста М2 относительно темпов роста ВВП:

2009	2010	2011	2012	2013	2014
1	1,1	1,21	1,26	1,27	1,39

Если ВВП – это продукт, а не денежная масса, то посмотрим, что происходило с его производством. Для этого возьмём не индексы в денежном выражении, а чисто индексы физического объема таких секторов экономики, как добыча топливно-энергетических полезных ископаемых, производство необработанной древесины, производство машин и оборудования, металлургического, основного пищевого, мебельного производства и вычислим средний показатель. В результате получим такой «прирост»:

2010	2011	2012	2013	2014
1	1,1493	1,1152	1,0688	0,9892

Это – не «реальный» расчётный ВВП Росстата, а реальный объем произведённой продукции в штуках, тоннах и т.д. И мы понимаем, что индекс роста номинального ВВП, как, впрочем, и реального, скорее совпадает с коэффициентом денежной массы, чем с товарной продукцией. Иначе говоря, при расчете «реального» ВВП сказывается эффект роста денежной массы и стоимости импорта, в результате чего показатели Росстата совершенно отрываются от материального производства внутри страны. Импорт, который влияет на индекс потребительских цен, несмотря на его значительный рост, особенно в 2012 и 2013 годах, как мы видели,

не так сильно толкает ИПЦ вверх, как внутренние факторы при реальном сокращении производства. Ситуация в экономике, представляется, намного хуже, чем нам хотят её представить, и она никак не связана с санкциями 2014 г., т.к. падать производство стало задолго до них, и, следовательно, является результатом системных проблем в управлении экономикой. На этом можно было бы закончить анализ. Но попробуем немного поразмышлять о причинах.

Для этого обратимся к статистике использования ресурсов. К основным ресурсам, как известно, относятся: земля, природные и трудовые ресурсы, капитал.

Земля в целях подъёма производительности у нас превращается не в кормилицу, а средство расхищения и обогащения. Там, где сохранилось земледелие, она обрабатывается по китайскому методу – перенасыщается гербицидами и пестицидами. Становится невозобновляемым ресурсом. Россельхознадзор фактически поощряет злоупотребление химией, увеличивая нормы, вместо ограничения использования химии (мнение заслуженного эколога А.Пешкова). Площадь пустующих земель растёт. Так безрассудно губится земля – кормилица.

Для оценки использования природных и трудовых ресурсов используем такой агрегатный показатель, как налоговые сборы, которые отражают источники формирования бюджета, а, следовательно, состояние экономики, и дают представление об эффективности использования ресурсов, т.е. национального достояния. Официальные показатели сбора налогов за 2009 г. и 2014 г. (млрд.р.):

Вид дохода в бюджет	2009	% от всего дохода	2014 г.	% от всего дохода
Консолидированный доход. Всего:	13599,72		26371,06	
В т.ч.				
Налог на прибыль организаций	1264,64	9,29	2374,66	9
НДФЛ	1665,82	12,25	2700,72	10,24
НДПИ	1053,84	7,75	2904,85	11,02
НДС	1176,91	8,65	2188,27	8,3

В либеральном мире деньги заслоняют человека, но мы видим, что при сборе налогов человек не перестал быть "мерой всех вещей": прибыль бизнеса через призму сбора налогов заметно уступает доходам населения. Вот с этой "меры" и начнём. Примем человека за основной критерий наших оценок состояния экономики. Примем также во внимание тот неоспоримый факт, что в статистике все явления находятся во взаимозависимости (численность рабочих или занятых, средняя заработная плата, а, следовательно, и фонд заработной платы), чтобы установить, так ли уж соответствует среднемесячный статистический заработок реальным доходам населения. Тот же человеческий фактор используем, как инструмент, для оценок эффективности использования других ресурсов. Исходим из того, что взаимная зависимость и обусловленность статистических показателей позволяют определить на основе ряда известных параметров неизвестные показатели и проверим данные путём их сопоставления. Мне приходится это делать потому, что современная статистика нарушает главный принцип достоверности: она намеренно не учитывает, что всякое общественное явление состоит из очень большого числа элементов, которые между собой существенно отличаются друг от друга по ряду признаков. Так, население делится по возрастным группам для того, чтобы определить потребность в дошкольных или учебных заведениях, рост или наоборот снижение нагрузки иждивенческой части населения, рост или снижение численности рабочей силы в перспективе, среднюю продолжительность жизни... Занятое население должно также делиться по уровню заработной платы. Если группировка не делается, значит, либо нарушается основной принцип статистики

– не собирается достаточно репрезентативный материал путём статистического наблюдения, либо искажается, либо намеренно затушевывается расслоение общества и создаётся неверное представление об общем подъёме или падении доходов населения и экономики страны. Обратимся опять к цифрам по использованию трудовых ресурсов через объявленную среднемесячную зарплату и рассчитаем ФОТ и численность занятых:

Год	НДФЛ (13% от ФОТ за год)	Среднемесячная начисл.з/плата	ФОТ (за год)	Численность (расчетная) занятых
1	2	3	$4=2 \times 100 / 13$	$5=4 / 12 \text{ мес.} / 3$
2009	1665,82 млрд.р	18638 руб.	12814 млрд.р	57,29 млн. чел.
2014	2700,72 млрд.р	32495 руб.	20774,77 млрд.р	53,28 млн.чел.

Отметим, что официальные данные по занятым таковы: в 2009 г. – 69,4 млн., а в 2014 г. – 71,5 млн. человек. Как видим, расчетная (по среднемесячной зарплате) численность занятых в экономике не соответствует официальной статистике. Либо среднемесячная заработная плата значительно ниже (официальное значение завышено путём группировки тех, чьи доходы исчисляются миллионами, вместе с теми, кто получает меньше МРОТ, что искажает реальное денежное обеспечение населения; Все понимают, что средняя зарплата в стране формируется путем сложения таких должностей, как генеральный или технический директор, начальник финансово-экономической службы /от 300 до 825 тысяч, особенно высокооплачиваемые должности в нефтегазовой сфере/, таких рабочих профессий, как электросварщик, шахтер, электромонтер /от 16 до 40 тысяч рублей/ и значительного числа тех, кто получает до 16 тысяч рублей. При росте зарплаты только у директоров, равно как и при сокращении численности низкооплачиваемых рабочих, статистика будет фиксировать рост средней), либо занятых значительно меньше. Возможно, 53,28 млн. человек – это и есть среднесписочный состав рабочей силы, т.е. реально занятые. При этом очевидна тенденция к снижению занятости. Чем же «заняты» 18,22 млн. человек? Учитывая контроль налоговой инспекции, я склонен считать расчеты по заработной плате более достоверной информацией, чем официальную статистику занятости. Отсюда:

Год	Расч. число занятых (тыс.чел.)	Число занятых по офиц. статистике (тыс.чел.)	Численность населения возрастной гр.15- 72 лет (тыс.чел.)	Численность населения возрастной гр.16- 54(60) (тыс.чел.)	Доля занятых, расчетный %	Доля занятых, расчетный %	Доля офиц.зан ятых, %	Доля офиц.зан ятых, %
1	2	3	4	5	$2/4 \times 100$	$2/5 \times 100$	$3/4 \times 100$	$3/5 \times 100$
2009	57290	69400	111917	89342	51,19	64,12	62,01	77,68
2014	53280	71500	110226	85414	48,34	62,38	64,87	83,71

Как видно из таблицы, занятость даже по официальным данным вызывает тревогу за состояние экономики: 16,29% (100%-83,71%) трудовых ресурсов (для возрастной группы от 16 до 54 лет для женщин и 60 лет для мужчин) фактически являются безработными (по официальной статистике безработными и незанятыми). А если вернуться к расчетам занятых по среднемесячной зарплате, то всё значительно драматичнее: от 37% (100%-62,38% для возрастной группы до 54/60 лет) до 51% (100%-48,34% для возрастной группы до 72 лет) трудоспособного населения в стране не имеют постоянного заработка. В 2009 г. – от 36% (100%-64,12%) до 49% (100%-51,19%). Допускаю, что они нанимаются на временную, вахтовую или сезонную

работу, но постоянного заработка не имеют – это факт. Ситуация с занятостью явно стабильно тяжелая, тенденция негативная, даже если опираться в расчетах на официальную статистику. Отсюда, если не делать вид, что миллионы граждан не заинтересованы в поиске работы, и блаженно делать вывод, что они «заняты в домашних хозяйствах» только на том основании, что они не зарегистрировались на бирже труда, значит, отрицать очевидное – такой ресурс, как рабочая сила, используется в стране крайне неэффективно. То, что дачи имеют примерно 40% россиян, не означает, что в их число попадают все 100% незанятых в реальном секторе экономики, т.е. кормятся своим трудом на клочке земли. Поэтому правильнее их с полной ответственностью отнести к безработным. Это корректно для объективной оценки реального состояния экономики. Соответственно, безработных нам надо исчислять не так, как по официальной статистике (согласно методике МОТ) – 6284 тыс. человек (2009 г.) и 4400 тыс. чел. (в 2014), а как минимум: 19942 тыс. (89342–69400) и 13914 (85414–71500) тыс. человек соответственно для 2009 г. и 2014 г., и как максимум – 32052 тыс. (89342–57290) и 32134 тыс. (85414–53280) человек.

Таким образом, уровень безработицы в стране от 16,3 до 37,6% (для возрастной группы от 16 до 54/60 лет), а не 4–5%. Профильные министерства, полагаясь на официальные данные, очевидно, не придают этому значения. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Между тем, создание рабочих мест – это не только решение многих социальных проблем, это рост потребительского спроса, стимулирующего развитие рынка, и это также решение проблемы пенсионных накоплений.

По закону Оукена при превышении безработицы выше естественного уровня на 1% происходит отставание прироста ВВП примерно на 2,5%. Если естественный уровень безработицы 5–6%, то реальное число безработных в 16,3%, согласно расчетам, приведенным выше, недодало прирост реального (номинальный и без того имеет нереально высокие темпы) ВВП в 2014 г. на 26%. Уровень безработицы в 37,6% недодает уже 79% прироста. Высокая безработица – это также яркий показатель зависимости страны от импорта. А провозглашенная политика импортозамещения пока не дает каких-либо реальных для занятости результатов. И в ближайшие двадцать пять лет без кардинального подхода к этой проблеме вряд ли создаст 15–20 млн. рабочих мест. Похоже, Правительству эта задача не по зубам.

Какие еще напрашиваются выводы из приведенных таблиц?

Доля налога на доходы физических лиц в 2009 г. превосходила доли всех остальных налогов. В 2014 г. доля НДФЛ чуть сократилась, уступив НДС, но по-прежнему превосходила долю налога на прибыль организаций и НДС. При этом надо иметь в виду: всё, что вошло в эти налоги, сразу отразилось на ценах. Это говорит о том, что государство делало упор на налогообложение (прямое и косвенное) физических лиц (т.е. с упором на широкий охват населения), сохраняя льготный режим к корпоративным доходам. Это (т.е. низкое налогообложение крупного бизнеса, паразитирующего на разработках сырья, которое государство вполне умудряется компенсировать поборами с многочисленного и лишённого государственного покровительства мелкого предпринимательства), казалось бы, должно стимулировать (через низкие внутренние цены) рост производства потребительских товаров и промышленного оборудования. Но явилось ли это стимулом? Как мы видели выше – нет, низкое налогообложение у нас стимулом для роста производства и понижения цен не является. Преференции никак не сказываются на росте внутреннего производства и занятости. Напротив, судя по фонду заработной платы, рабочие места продолжают сокращаться. ФОТ (если верить базовым цифрам Росстата) составил 33% и 26,65% от ВВП соответственно в 2009 и 2014 г. Поэтому значение средней заработной платы – показатель не роста доходов рабочих, а инструмент для расчета ФОТ, не более. Известно, что налоги собираются для того, чтобы их перераспределить в интересах соблюдения принципа справедливости. Если налоги на корпоративные доходы низкие, значит, перераспределение происходит в обратном направлении – от бедных к богатым.

Доля налога на добавленную стоимость в консолидированном доходе, как видно из таблицы, довольно низкая (максимальная ставка 18%, льготная – 10%, следовательно, налогооблагаемая база фактически ниже, но не более 6 538,39 млрд.р. и 12 157 млрд.р. соответственно в 2009 и 2014 гг.). Это – 16–17% от номинального ВВП (но добавленная стоимость – это то, что создано трудом и оплачено, следовательно, и это может означать долю фонда оплаты труда, да ещё включая другие затраты, что значительно меньше 33%). При этом обратим внимание, что только розничный товарооборот в стране составляет около 21–22 триллионов рублей в год. Это подводит нас к парадоксальному заключению, что на российском рынке реализуются преимущественно товары с низкой степенью обработки, без добавленной стоимости, т.е. по цене почти на уровне издержек. А статистика нам сообщает, что в формировании ВВП более 20% прироста товарной массы составляет продукция (товары и услуги) обрабатывающих производств, транспорта и связи. Значит, только эти сектора экономики должны обеспечить базу для обложения налогом на добавленную стоимость в 14 195,12 млрд. рублей. Версию, что всё, что не попало в официальную статистику, в России производят и перепродают индивидуальные предприниматели, освобожденные от уплаты НДС, из рассмотрения исключим, как абсурдную. В любом случае доля НДС должна быть больше, учитывая, что налог берётся с полной добавленной стоимости (а для расчёта зарплаты – только часть) и, кроме того, НДС – это 10 и 18%, а НДСЛ – это 13%. Очевидно, собираемость налогов или добавленная стоимость в стране на очень низком уровне. НДС начисляется на реализованный товар или услугу, т.е. на затраты (включая заработную плату) на их производство. Отсюда у всякого предпринимателя возникает соблазн с одной стороны показать, что всю прибыль съедают затраты (тогда они растут), а с другой – надо эти самые затраты в целях повышения рентабельности сократить до минимума. Баланс между этими двумя противоположными тенденциями каждый находит по-своему. Если заработная плата у большинства работников на низком уровне, но при этом доля НДСЛ в формировании бюджета сохраняет лидерство, значит, найдена золотая середина, и она не в пользу наёмных работников, т.к. реально ФОТ составляет долю от ВВП не более 15%. Налог, если он побуждает занижать оплату труда и сказывается больше на ценах, чем на доходах бюджета (как НДС), – беда для экономики.

Сумма сборов НДСЛ (в России налог один из самых низких в мире, если не знать о существовании прогрессивного) сопоставима с суммой налога на добычу полезных ископаемых. Логично предположить, что и НДСЛ у нас один из самых низких. Особенно на фоне того, что Россия является одним из ведущих экспортёров сырья. Доходы от природных ресурсов, которые добываются и в значительной степени в сыром виде отправляются на экспорт, формируют бюджет немного более чем на 50%. Часть прибыли добывающие компании выдают в конце года ТОП менеджерам в виде премиальных, сопоставимых с годовой зарплатой всех рабочих и служащих вместе взятых. Но не торопятся повышать степень обработки сырья. Нефтеперерабатывающие заводы в лучшем случае модернизируются (в последние годы) но не строятся новые. Поставлять углеводородное топливо за рубеж при падении курса национальной валюты оказывается более выгодно, чем реализовывать на внутреннем рынке (экономия на зарплате за счет инфляции и росте курса доллара при активном содействии государства). Чтобы изменить ситуацию, поставка сырья на внутренний рынок для производителей должна быть более выгодной, чем на внешний. А в условиях роста курса доллара и евро по отношению к рублю и погоне за получением прибыли именно в конвертируемой валюте это почти невозможно. За последний год курс рубля упал на 52%, а зарплата рабочих осталась прежней. Значит, в реальности тоже значительно упала. По некоторым оценкам и номинальная зарплата за последний год снизилась на 9%. И пока этот бонус сырьевой сектор не отработает, ничего не изменится. Без государственного регулирования этот вопрос решить нельзя. Вместо этого государство «решает» проблему путем снижения пошлины, например, на нефть, с целью улучшить условия торговли как раз на внешнем рынке. Что это дает собственно экономике? Дополнительные валютные

поступления? Как раз наоборот. Значит, государство намеренно отказывается от притока таможенных платежей. Кроме того, государство стимулирует добывающие отрасли иногда путем полной отмены уплаты НДС. В том числе иностранными "партнёрами"? Развития отрасли не получается, только расширяется география добычи. Сбор этого налога небольшой. Сумма сопоставима с годовой суммой, собранной с физических лиц. Это значит, что в цену на углеводороды (как базу для расчета налога) не включены многолетние затраты нескольких поколений, вложенных в исследования, разведку, создание производственной инфраструктуры и ноу-хау. В этом "секрет" относительно низкой себестоимости наших углеводородов. А это значит, что все эти направления деятельности не получают должного финансирования, следовательно, отдаются на волю иностранных «партнёров». Работа в этих отраслях ведётся таким образом, как будто разведку недр, пробные бурения, строительство инфраструктуры и т.д. на старых месторождениях проводили нынешние владельцы бизнеса. На самом деле они к этому не имели и не имеют никакого отношения. Государственные затраты прошлого не учитываются в цене сегодня. Не учитывается в затратах и амортизация отечественного оборудования, т.к. используются даже буры преимущественно иностранного производства. Иностранные фирмы, участвуя в добыче наших ресурсов, получают прибыль и стимулируют своё производство. Наши ведомства, очевидно, это устраивает, они намеренно отдают ресурсы в пользование иностранным фирмам, от засилья которых арабские страны в своё время освобождались. Почему же наше государство так заинтересовано в привлечении иностранных фирм, их инвестиций и их оборудования? При таком сочетании всех компонентов производственного процесса ресурсы (стратегические: нефть, газ, алюминий, редкоземельные и пр. драгоценные металлы) ещё в земле становятся как бы иностранными. Мы теряем контроль. Используются иностранные специалисты (деньги – за рубеж), технологии (деньги – за рубеж), техника, оборудование (деньги – за рубеж), патенты (деньги и права – за рубеж), само сырьё – туда же, за рубеж, а с ней дивиденды и прибыль. Стране остаются рентные платежи, как в отсталых странах до их освобождения от колониальной зависимости. При таком соотношении национального и иностранного участия в главных отраслях нашей экономики можно усомниться в достоверности оценки национального дохода. Эта тема ещё требует своего исследования. Но если судить по тому, что национальный доход в 2014 г. Росстатом оценивался по-разному: то в 76626148 млн. рублей, то в 80441480,3 млн. рублей в текущих ценах (в справочнике за 2017 г., добавлено в статью при подготовке к печати), а ВВП – в 79199700 млн. рублей (в нормальной экономике национальный доход всегда меньше, чем ВВП), то это значит, что в России статистика не отражает реальное состояние дел. Впечатление такое, что она подгоняется под какую-то цифру, взятую, как ориентир (например, национальный доход получился больше ВВП /что абсурдно/, отсюда необходимость корректировки ВВП). А как так может получиться? Как вариант: государство наращивает внутренний долг путём займа у банков и через эмиссию денег (в соответствии с монетарной теорией), при этом счёта деньгам не знает, итоги подводит позднее. Делается это с целью поддержать финансовую систему (но не экономику), которая вследствие неплатежей (кризиса с возвратом кредитов) периодически попадает в критическую ситуацию. Одновременно цель – поддержать платёжеспособный спрос рынка (т.е. бизнес через так называемые социальные, национальные и пр. программы) на товары, завышенные в цене (по причине мелкоотварного внутреннего производства или импорта, привязанного к росту курса валюты) и залежавшиеся на складах. Для возврата долгов государство изымает деньги из карманов населения через инфляцию (усугубляя тем самым ситуацию). Совершенно очевидна зависимость: чем больше растёт потребность в эмиссии денег, тем выше растут налоги, сборы и штрафы. Заработная плата большинству занятых выдаётся символическая (фантиками) или не выдаётся. В такой экономике не рост производства, а инфляция – питательная среда бизнеса. И ключевую роль в этой, так называемой экономике, играет государство, которое отстраняется от регулирования цен и затрат внутри страны и одной рукой борется с инфляцией, а другой

само вливает не заработанные бизнесом деньги в экономику и таким образом стимулирует рост цен и тарифов. При этом для обновления промышленного капитала денег у государства нет. Впрочем, теория невмешательства в экономику и не позволяет государству решать эти вопросы. Остаётся только комментировать, приукрашивать на цифрах или на улицах фестивалями, форумами и бесконечными шоу. Одним словом, статистика – если не самая большая ложь, то требует очень серьёзных пояснений. Бизнес на инфляции ничего не теряет – растут цены на товары, растёт в цене имущественный капитал и его доходность. Инфляция делает дешевле акции, облигации, привлекая иностранных инвесторов. По-прежнему делается акцент на привлечение иностранных инвестиций. Но при наличии большого объёма иностранного капитала, который при этом каждый год выводится за границу, страна неизменно будет терять часть своего национального дохода. Доход, полученный на иностранном капитале – это уже чужой доход. Есть такая оценка иностранного присутствия на примере наиболее крупных предприятий, выпускающих более 75% от всего совокупного промышленного продукта:

Показатели доли иностранного капитала в российской промышленности					
Годы	Виды экономической деятельности	Доля вида деят.-ти в структуре пром.производства		Доля иностр. капитала по виду деят.-ти	Доля иностранного капитала во всей промышленности
		млрд.руб.	%		
1	2	3	4	5	6=(4x5)/100
2010	Добыча полезных ископаемых	6212	22,1	50,41	11,14
	Обрабатывающая промышленность	18287	65	29,26	19,02
	Электр.энергетика	3412	12,9	28,76	3,71
	Сумма	27911	100	х	
2012	Добыча полезных ископаемых	6963	19,22	51,19	9,84
	Обрабатывающая промышленность	25098	69,29	34,79	24,11
	Электр.энергетика	4160	11,49	29,49	3,39
	Сумма	36221	100	х	
2014	Добыча полезных ископаемых	10172	23,43	55,77	13,07
	Обрабатывающая промышленность	28757	66,25	39,29	26,03
	Электр.энергетика	4479	10,32	29,73	3,07
	Сумма		100	х	

Сайт: Исторические материалы. Общий обзор иностранного капитала в промышленности России.

Доля иностранного капитала растёт в сырьевом секторе (уже превысила 55%) и в промышленности (преимущественно в финальной, отвёрточной стадии) в целом. Отсюда следует, что все стимулирующие меры государства по снижению таможенных платежей, по НДС – тем самым иностранным компаниям. Справедливо ли это по отношению к своему народу? Вопрос риторический.

Что касается такого ресурса, как капитал. Оговоримся, что нас интересует только та часть внутренних денежных средств, которая инвестируется в экономику. Обратимся к официальной статистике:

Наименование	2009 г.	2013 г.	Доля от ВВП 2009 г. (%)	Доля от ВВП 2013 г. (%)
Номинальный ВВП (млрд. р./млрд. \$)	38807,2/732,2	66193,7/1248,94		
Инвестиции в основной капитал (млрд. р./млрд. \$)	7976,0/150,49	13255,5/255,50	20,55	20,02

Отметим, что доля инвестиций от номинального ВВП снижается, в то время как доля присутствия иностранного капитала растет. Это значит, что доля инвестиций в экономику не растёт, а сохраняется примерно на прежнем уровне только благодаря иностранным «партнёрам». Сопоставим цифры: фонд заработной платы в 2014 г. составил около 20 трлн. руб., а инвестиции в основной капитал в 2013 г. составили 13,26 трлн. рублей, т.е. меньше, чем требуется оборотных средств. А ведь рабочий капитал не ограничивается только фондом заработной платы, необходимы средства на банковском счете для закупки сырья, текущих затрат. Из этого следует, что для возобновления процесса производства необходимы средства, намного превышающие 13,26 трлн. рублей. Речь не идёт даже о расширенном воспроизводстве. Поэтому доля налога на прибыль предприятий (35%) в консолидированном бюджете невысока из-за отсутствия прибыли: если 35% – 2374,66 млрд. рублей, то суммарная максимальная корпоративная прибыль всей экономики – 6784,74 млрд. рублей. В пересчете на долларовый эквивалент – по среднегодовому курсу (38,6р/1\$) – 175,8 млрд. \$. Хочу обратить внимание, что в 2014 г. отток денег из страны составил 151,5 млрд. \$. Вот такой получается результат работы Министерства экономики. Возникает не праздный вопрос: кому принадлежит капитал в стране и что остаётся в Национальном доходе?

Честно признаюсь, хотелось бы думать, что я ошибаюсь в его оценке.

Мировая практика показывает, что для нормальных инвестиций в основной капитал, требуется монетизация экономики на уровне 80%. У нас, в России, монетизация в 1999 г. – 14,6%, в 2009 г. – $15267,6/38807,2=39\%$, а в 2014 г. – $32110,5/70975,6/77945,1=45\%/41,2\%$. Возникает парадоксальная ситуация: денежная масса растёт, опережая товарную массу, и надо бы сдерживать (что и делает Минфин). Однако её недостаёт для обеспечения монетизации реального сектора, что сдерживает развитие. Между тем не принимается во внимание тот факт, что угроза инфляции формируется именно там, где много денег, но при этом не создаётся добавленная стоимость. В этом противоречие между дефицитной монетизацией реальной экономики и избыточной денежной массой в нематериальной сфере. Рост монетизации за 5 лет незначительный, и если этот темп сохранится, мы выйдем на нормальный уровень инвестиций в экономику только через 25–30 лет. При этом заметим – есть рост уровня монетизации, а в реальном секторе экономики денег не прибавляется. Следовательно, деньги приходят не тем, кому предназначаются.

Эту задачу нельзя решить, если не делать ставку на создание новых рабочих мест, товарного производства, благоприятного инвестиционного климата для отечественного бизнеса и создания национального рынка заемного капитала.

Ориентация на приток инвестиций из-за рубежа в принципе чревата негативными последствиями. Зарубежные инвестиции как минимум гарантируют в перспективе нестабильность финансового рынка, т.к. отток капитала в зависимости от конъюнктуры рынка непредсказуем. Например, Минэкономразвития предсказывал вывод капитала в 2014 г. в начале года на уровне 25 млрд. \$, а фактически из экономики выведено 151,5 млрд. \$. Это, кстати, характеризует качество прогнозов «специалистов» из профильного министерства. В 2008 г. отток – 133,7 млрд. \$, в 2009 г. – 56,1 млрд. \$. Цифры вывода капитала на уровне 130–150 млрд. долларов подтверждают выводы таблицы, приведенной выше, о принадлежности значительной доли реального сектора российской экономики иностранным компаниям. И подвергают сомнению

правильность оценки национального дохода. Инвестиции и встречные потоки вывода денежных средств из экономики убеждают, что цены на нефть и курс рубля точно не формируют потенциал для развития экономики. Складывается впечатление: разноречивой в цифрах говорит о том, что для нашей экономики, возможно, правила пишут иностранные компании соответственно их планам по участию в расходах и прибылях. Все разговоры на государственном уровне об экономическом суверенитете подвергаются сомнению, т.к. не подкрепляются действиями на его укрепление.

Из изложенного следует, что тенденции по всем направлениям использования ресурсов в целом носят негативный характер. ВВП в денежном выражении растёт, но в реальный сектор экономики из инвестиций мало что попадает. Рачительность по отношению к ресурсам, никем, в т.ч. государством, не проявляется. Государственный сектор экономики отдельно не рассматривался. Отметим только, что если считать по доле среднесписочной численности работников, госсектор составляет реально около 26% экономики, а успехи развития ракетно-космической, оборонной отраслей, работа федеральных учреждений и ФГУП(ов) вносят весомый вклад в прирост реального ВВП, но существенного влияния на самовозрастание коммерческого сектора экономики не оказывают. Он как был инертным к самовозрастанию, таким и остаётся. За исключением тех ситуаций, когда государственный сектор выступает заказчиком на рынке услуг и инвестором работ для государственных и муниципальных нужд. Бизнес, независимый от государства, судя по статистике, явно не проявляет интереса к развитию в производственной сфере, а, принимая во внимание значительный отток капитала, основным признаком активности частного сектора можно отметить расчет на иностранное присутствие в нашей экономике. Государство, в свою очередь, через мягкое корпоративное налоговое законодательство явно проявляет к росту присутствия иностранного капитала (а вместе с ним и контролю над частным сектором экономики) лояльность. Откуда ещё ждать инвестиций, если частный капитал от этого устраняется, государству не велит монетарная теория и Правительство... Остаётся уповать на иностранное участие. А разве могут западные «партнёры» быть заинтересованными в промышленном развитии России? Вопрос риторический.

Такие получаются неутешительные выводы.

Ноябрь 2015 г.

О ВВП, предпринимателях и предпринимательской способности

В середине текущего 2015 года компания Boston Consulting Group опубликовала данные по объему частных капиталов в России и оценила их в 2 трлн. долларов США. Из них четверть находится на валютных счетах в оффшорах. На начало 2015 года, отмечают обозреватели, объем частных состояний в России вырос на 24,7% к уровню двухгодичной давности. Примечательно, что реальный ВВП России по объёму уже давно уступает накоплениям частного капитала, а по приросту и за 5 лет не дотянул до 24,7%. Вот темпы роста реального ВВП, рассчитанные на основе официальных источников:

2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
100	113,34	118,21	122,23	123,82	124,57

Правда, в ценах 2012 г., как сообщают СМИ, реальный ВВП упал на 2,7%. Понятно, реальный ВВП – это тоже еще не физический показатель, а ценовой, привязанный к недавнему базовому году. Значит, тоже не очень реальный. Мы знаем, что в формуле расчета ВВП много чего намешано: есть потребительские расходы, валовые инвестиции, государственные расходы и чистый экспорт. Не фигурирует только производство. Для общества потребления оно не актуально – были бы деньги. Но мы также знаем, что для нормальной экономики потребительские расходы – это обратная сторона производства товаров и услуг. "Что посеешь, то и пожнешь". Поэтому сначала о производстве. Иначе откуда ж деньги?

В предыдущей статье я уже показывал тенденцию «роста» реального физического объема продукции в штуках, тоннах и т.д. таких отраслей, как: добыча топливно-энергетических полезных ископаемых, производство необработанной древесины, производство машин и оборудования, металлургического, немного пищевого, мебельного производства:

2010	2011	2012	2013	2014
1	1,1493	1,1152	1,0688	0,9892

Это – среднеарифметические показатели. В нефтяном секторе, в пищевой промышленности в металлургии был некоторый рост. Но в целом – снижение. Без нефти, газа и металлургии индекс падал бы круче. Падение физического объема предполагает падение прибыли. Всем понятны последствия такой динамики «развития»: сокращение зарплаты, персонала, покупательной способности и т.д. Тем удивительней рост благосостояния какой-то небольшой части российского общества. А по статистике – так и всего населения. Невольно возникает вопрос, почему наши производственные отношения устроены так, что на одном полюсе деньги накапливаются быстрее, чем экономика может себе позволить, а на другом – и без того скудные оборотные средства предприятий, зарплата, пенсия – еще больше сжимаются, как шагреновая кожа? Вероятней всего потому, что у нас формируется затратная преимущественно внепроизводственная экономика. Рыночная, но затраты все (по возможности) перекладываются

на государство: чем они ниже в частном секторе, тем больше государству доплачивать (субсидии в сырьевую отрасль, надбавки к пенсиям, пособия...). Вызывает недоумение и то, что этим вопросом никто в правительственных кругах не озадачивается, зато всё чаще задумываются, повышать или нет пенсионный возраст, потому что некому платить налоги. А может, негде работать? Миллионы в стране безработных, не учтенных статистикой. Такие непростые вопросы возникают, когда задумываешься о состоянии экономики страны. Посмотрим цифры и поразмышляем.

Воспользуемся данными, опубликованными рейтинговым агентством Эксперт РА. В объеме реализованной в 2014 г. продукции шестисот крупнейших российских компаний, на которые приходится 84,5% номинального ВВП, выделим некоторые сектора по долям:

Сектора производства	Объем реализации в 2014 г. (млн.р.)	Доля (%)
Всего:	59969145,5	100
в том числе:		
агропромышленный комплекс	485 220,4	0,81
банки	5400714,8	9,01
нефтяная и нефтегазовая пром-ть	17721267,7	29,55
оптовая торговля	5498314,3	9,17
пищевая промышленность	1114532,3	1,86
розничная торговля	4786381,4	7,98
транспорт	4133961,5	6,89
химическая и нефтехимическая промышленность	1510136,8	2,52
цветная металлургия	1123998,1	1,87
черная металлургия	2725634,6	4,55
электроэнергетика	2058831,5	3,43

Надо понимать, что в каждом холдинге есть управляющие компании, связанные с производством только через услуги по "управлению", логистике готовой продукции, отчетности и контролю финансовых потоков. И присутствует бизнес, представляющий сервисные или торгово-посреднические операции. Это означает, что приведенные выше процентные доли, в переводе на реальное производство, в действительности еще меньше.

Таким образом, судя по удельному весу, складывается впечатление, что нефтегазовый сектор, торгово-посреднические и финансовые операции – это базовые отрасли современной российской экономики с преимущественно частным капиталом.

Некоторые из 600 лидеров (например, крупнейший металлургический холдинг «Мечел», нефтяная «Лукойл», АФК «Система», «СТС Медиа») используют систему стандартов (бухгалтерскую отчетность и финансовый учет), принятую в США. Вероятно, акции торгуются где-то за рубежом, следовательно, и принадлежит часть акций иностранным компаниям или частным лицам, поэтому бизнесу важно, чтобы отчетность была понятна США. Прошедший 2014 год 152 холдинга (из 600) закончили с отрицательной прибылью при суммарном объеме продаж почти на 12 трлн. рублей. Возможно, конечно, что более тщательно посчитали

затраты (заодно оптимизировали налог с прибыли). Некоторые из них, кроме убытков по итогам года, имеют большие финансовые проблемы. Например, «Мечел» имел долг перед банками в 5 млрд.\$, по другим оценкам на конец мая 2014 г. – 8,3 млрд. \$, зато у него нет, по словам главы Сбербанка Германа Грефа, толкового менеджмента и, как утверждает господин Греф, «Мечел» ведет подконтрольные ему производственные компании к банкротству. Странно, что Правительство РФ ищет пути спасения не Челябинского металлургического комбината, который является одним из самых крупных активов «Мечела», и в 2014 г. реализовал с прибылью продукции на 38,2 млрд.рублей, а топ менеджмент, контролирующий производство. Т.е. искусственно навязанную надстроечную структуру из «эффективных» менеджеров, тянущую производство в убытки, но почему-то его контролирующую.

Оставшиеся 15,5% ВВП обеспечивают малые, средние и микропредприятия. Вот такую структуру этого бизнеса дает нам официальная статистика:

	Юридические лица				Индивидуальные предприниматели			
	Кол-во предпр. Всего	в т.ч. по категориям			Кол-во предпр. Всего	в т.ч. по категориям		
		Средние предпр.	малые предприятия			Средние предпр.	малые предприятия	
			Всего	в т.ч. микро- предпр.			Всего	в т.ч. микро- предпр.
РФ (2010 г.)	1266254	25734	1240520	1013455	1914075	749	1913326	1872331

В 2013 г. ситуация немного изменилась:

	Микро- предпр.	Малые предпр.	Средние предпр.	ИП	Все категори и МСП
Количество субъектов МСП, тыс.ед.	1760	243	13,8	2628,9	4645,7

Как видим, 91–94% – это микропредприятия с тенденцией роста их доли. Ни о каком серьёзном производстве здесь речи быть не может. Преимущественно – это торговля. О том, каково приходится малому бизнесу, продемонстрируем на примере такой площадки, как Москва. Мы помним лоточников на улицах Москвы. Их сменили небольшие киоски. Последние 2–3 года город заметно меняется – много снесли киосков и мелких магазинов. Но ведь они когда-то и были ИП, малыми и микропредприятиями. И москвичи наблюдали, как примерно 3–4 года назад сначала меняли киоски на торговые модули (причем, по словам предпринимателей, за их счет, а стоили они немало – около 420 тысяч рублей), а затем объявили о расторжении земельных договоров со многими предпринимателями. Выходит, сначала производителям торговых модулей – тоже малому бизнесу, но которому Департамент московской торговли по какой-то причине сначала обеспечил рынок сбыта, который после реализации модулей тут же был свернут. «Пережевали» значительную часть этого малого бизнеса, обобрав его, и выплюнули на рынок безработных. Москва стала не так похожа на «Шанхай», но зачем надо было морочить голову предпринимателям с установкой новых модулей перед тем как их снести? Наблюдательным москвичам также может броситься в глаза то, что московские предприятия всё больше уступают рынок предпринимателям из других регионов. Если судить по лицам на фермерских рынках Москвы, фермеры из Подмоскovie по-прежнему отсутствуют. И среди оптовиков по периметру МКАД их тоже почти нет. Вдоль магистральных улиц – крупные торговые комплексы – ТРК и Плазы. Они обеспечивают товаром город, но вряд ли представ-

ляют малый или средний бизнес москвичей. Это – прилавки западных брендов. Об этом еще ниже скажем. Опоры наружного освещения и архитектурную подсветку в Москве еще недавно обслуживали машины с логотипом коммерческого московского ООО «Светосервис», теперь – городское ОАО «ОЭК», которое в силу специфики своей работы не имело достаточно ни специалистов, ни машин для обслуживания наружного освещения города. Частично позаимствовали в ООО «Светосервис» (переманили), где дело кончилось сокращением людей. Можно было отрегулировать законодательство под реалии энергохозяйства Москвы, но предпочли подогнать жизнь под несовершенное в чем-то законодательство. Наверно, потому, что разработчиками его были они сами – крупные сетевые компании, близкие к московскому правительству. Поэтому малый бизнес был вынужден уйти и отсюда. Посмотрим, как на это со временем отреагируют сети. В электроэнергетику и теплосеть Москвы пришли ОАО «Газпром» (из Тюмени и С.-Петербурга) и компания «Каскад-Энерго» (группа «Ташир» из ближнего зарубежья). О судьбе крупных московских промышленных объектов, производство на которых умерло или агонизирует, упомянем ниже. Их много. Некоторые умерли вскоре после прихода иностранных инвесторов. А вот в Ливии во времена «диктатора» Каддафи прежде всего давали работать и зарабатывать местным предпринимателям: нельзя было вывезти оборудование из порта, не наняв местную фирму, нельзя было иностранцу напрямую обратиться в министерство, минуя посредника-ливийца. И страна была одной из самых процветающих в Северной Африке. Остается удивляться, как может быть в Москве при таком бизнес-климате самый низкий процент безработных – 1%? Москвичей, лишившихся работы и не обратившихся в Центры занятости, не считают безработными, прикрываясь методикой МОТ. В Москве на мизерное пособие не выжить, а помочь эти Центры всё равно не могут – отсутствуют рабочие места. Этой темы я ещё коснусь в других статьях. Чтобы оживить рынок, надо повышать занятость, а не сокращать – вот и решилась бы проблема пополнения пенсионного фонда. И лучше, если бы создавались крупные производства, а не пустующие офисы.

Многие выжившие российские крупные предприятия разукрупнились и по статистике стали относиться к среднему бизнесу. Происхождение их часто еще советское, когда промышленные гиганты включали в себя смежные производства и инфраструктуру, которые в ходе реформ распались на отдельные структуры, увеличив число предприятий на порядок. При этом производство упало тоже на порядок. Например, турбины производили суммарной мощностью около 13 млн. кВт., а в 2014 г. произвели мощностью только 2148 тыс. кВт. Станков производили в 1990 г. около 3 млн. шт., а в 2014 г. произвели всего 7822 станка. Не трудно догадаться, почему так произошло. В 90-е годы «доходило до того, что иностранные станкостроители под видом инвесторов заходили на наши предприятия, а потом продавали их, как было с заводом им. Орджоникидзе. Тем самым очистили для себя рынок сбыта», – говорит Иван Андриевский, первый вице-президент Российского союза инженеров. Видный российский ученый С. Г. Кара-Мурза пишет, что особенно обвальная спад произошел в производстве металлорежущих станков. По сравнению с 1990 годом производство упало более чем в 30 раз. И после 2000 года быстро стал расти импорт: 2000 г. – 15,6 тыс.шт., 2004 г. – 190 тыс.шт., 2006 г. – 315 тыс.шт. Происходила замена станочного парка в машиностроении, и это хорошо, но что с российскими станками? Интернет выдает нам информацию о том, что станкостроение в России существует и представлено 56 «заводами». Наверно они работают, но, очевидно, производственные мощности совсем не удовлетворяют потребности рынка, а главным инструментом являются бумаги. Впрочем, компетентные СМИ утверждают, что Китай скопировал советские станки и теперь конкурировать с ним невозможно. Это – к вопросу о конкурентоспособности отечественного станочного парка и беспрецедентной бесхозяйственности власть имущих. Что ж, это говорит только об одном – наше государство не умеет и не желает защищать отечественного производителя (и ноу-хау) на мировом рынке ни лицензированием, ни патентованием. И даже когда свои мощности есть, своего рынка у них нет.

По оценке экспертов износ станочного парка в России достиг 80%. Ежегодно «выводится» из эксплуатации около 50 тысяч станков, т.е. рынок есть, а «Красный пролетарий» смог продать в 2012 г. только два станка, вероятно, из последней партии, произведенной в 2010 г. Зато импорт покрыл 92% внутреннего рынка на сумму 2,5 млрд. \$. По словам генерального директора ООО «Диффенбахер» Виктора Стратановского, «заниматься производством оборудования в России очень невыгодно. В нашей стране есть деньги, сырьё, спрос, но при этом нет ни специалистов, ни ноу-хау». Представляете, до чего дожили? Китай скопировал наши станки вместе с ноу-хау так, что у нас ничего не осталось. Специалисты, ноу-хау – это отдельная тема. Хотелось бы спросить чиновников профильного министерства, зачем нужна система образования, навязанная стране, в результате внедрения которой в стране не стало настоящих специалистов?

Так же и в турбостроении – Пермский завод, Уральский турбинный завод, «Невский завод», «Сатурн – Газовые турбины» пытаются производить современное энергетическое оборудование, входят в кооперацию с зарубежными лидерами в этой области, но результат пока не удовлетворяет рынок.

Потребности так упали? Заказов нет или производство стало мелкотоварное, не справляется? Нет, заводы еще – что надо, правда, их стало меньше. Просто в стране так до сих пор и не создали рыночные рычаги регулирования экономики в интересах её развития, как, например, в Китае. Недоиспользуются производственные мощности, трудовые ресурсы, привлекаются к работе иностранцы, что способствует господству низких зарплат и никак не стимулируется переориентация с поставок сырья на изделия с высоким уровнем добавленной стоимости. Причину поясняют металлурги: за рубежом есть свои мощности по прокату металла (добавим, как и по переработке нефти, древесины и много другого), а дешевого сырья мало. Если за границу идут составы с сырьём для обеспечения загрузки мощностей иностранных государств вместо отечественных, разве не долг Правительства задуматься, как отрегулировать интересы бизнеса, чтобы переработка и обработка стали интересны и выгодны в стране добычи сырья? Положение дел демонстрирует, что государство не в состоянии отрегулировать эти вопросы. В новостных сводках часто слышим, что надо защитить своего производителя и рынок, потому что через Украину уже в январе хлынут товары из Европейского союза. Позвольте узнать – не поздно ли защищать производителя или то, что от него осталось? Если и раньше защищали, то упаси Бог от такой защиты. Демагогические заявления о защите сопровождаются упованием на иностранные инвестиции. Кто ж будет инвестировать в своего конкурента так, чтобы он еще и работал? В сырьё, в торговлю – да. В переработку вкладывали только тогда, когда нужно было отправить в металлолом оборудование. Что же в результате?

Вот пример участия иностранного капитала в производстве в 2011 г.:

Наименование	Кол-во предпр., имеющих иностран.уч астие, ед.	Уст.кап. предпр. с ин.кап.(млн.р)	в том числе:	Доля иностран ного капитал а (%)
			взносы ин.юр. и физ.лиц (млн.р)	
Всего:	24080	3450262	2281352	66,12
в том числе:				
Добыча полезных ископаемых	500	408562	300914	73,65
Обрабатывающие производства	4149	719103	523786	72,84
Строительство	1534	47321	41663	88,04
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотрансп. средств, быт. изд. и предм. личного потребления	8081	534951	349010	65,24
Гостиницы и рестораны	677	14346	8767	61,11
Транспорт и связь	1688	83305	62612	75,16
Операции с недвижимым имуществом, аренда	5068	448419	310981	69,35
Образование	37	7	2	28,57

А это – там же в 2014 г.:

Наименование	Кол-во предпр., имеющих иностран.уч астие, ед.	Уст.кап. предпр. с ин.кап. (млн.руб.)	в том числе:	Доля иностран ного капитал а (%)
			взносы ин.юр.и физ.лиц (млн.руб.)	
Всего:	23520	5359142	3069714	57,28
в том числе:				
Добыча полезных ископаемых	442	174169	71828	41,24
Обрабатывающие пр-ва	4060	850708	657963	77,34
Строительство	1521	12713	10807	85,01
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотр. средств, бытовых изд. и предм. личного потребления	8187	550533	413517	75,11
Гостиницы и рестораны	707	25162	19302	76,71
Транспорт и связь	1742	2193649	1363978	62,18
Операции с недвижимым имуществом, аренда	5238	641721	343931	53,6
Образование	45	147	143	97,28

Отметим, что скорей всего так частично и занята ниша среднего и малого бизнеса в России. И так на деле выглядит «защита» и «поддержка» отечественного предпринимателя. Российскому бизнесу за все годы реформ не дали даже окрепнуть. Попробуйте арендовать помещение в Москве, минуя посредника, – бесполезное дело. Всегда найдется фирма, выигравшая конкурс, которая назначит рыночную цену. Характерен отток иностранного капитала из сектора добычи полезных ископаемых (рентабельность упала или дана команда свернуть бизнес?) и приток в сферу образования. Это важно – по учебникам Сороса научат любить звёздно-

полосатый флаг и лишат молодёжь качественного образования: слаборазвитой стране оно ни к чему. Следует отметить значительный устойчивый процент иностранного капитала в обрабатывающем производстве, в оптовой и розничной торговле. Вряд ли иностранный капитал строит новые производственные цеха, но в торговле скорей всего компании строят торговые комплексы и получают преимущества в выборе партнеров по аренде торговых площадей. К сожалению, пока никто не догадался дать оценку роли иностранного капитала в экономике России.

В других направлениях поддержка российского бизнеса, тем более производителя, тоже больше декларируется. Там, где он не мешает иностранному капиталу, есть прибыль, он возникает и без государственного участия.

Например, интернет сообщает, что в нефтепереработке растет число мини НПЗ. По некоторым оценкам их число достигло 200 предприятий. Показатели их работы в статистике, правда, не найти, поэтому опорой экономики им не быть.

Появились мини-заводы и в металлургии. В основном эти заводы работают на металлоломе, но в статистике их продукции тоже пока нет. Вспоминается провальный «Большой скачок» в Китае и домашние доменные печи с низкокачественной продукцией. Но ведь это же всё – позапрошлый век. Основные потребители металла – машиностроители – жалуются на высокие цены на металл. Насытить рынок, создать конкуренцию, минимизировать затраты, чтобы цены упали, мини-заводы не смогут. Крупные наши заводы предпочитают работать на экспорт. Согласно статистике в 2014 г. 40,9 млн.т. металлопродукции (из 70,3 млн.т.; в 1975 г. РСФСР производила более 79,9 млн.т., а на экспорт весь СССР отпускал только 6–7 млн. т. металлопроката, 11 млн. вместе с чугуном) пошло на внутренний рынок. Остальное – на экспорт. Причем на экспорт готовы поставлять, даже снизив цены. Упавший курс рубля с лихвой обеспечивает компенсацию потерь и затрат (особенно по заработной плате) в рублях. В ответ на жалобы машиностроителей металлурги рекомендуют обращаться к государству за субсидиями (ещё один признак затратной экономики). Удивительно, но никель, необходимый для производства нержавеющей стали, продается и на внутреннем рынке по ценам, привязанным к котировкам Лондонской LME. Фактически это означает, что мы свой национальный товар покупаем у заклятого «партнёра» из Лондона и производство качественной стали нам теперь неподконтрольно. Также как нефтепродукты для своего потребителя, как будто они из Техаса. Оказывается, и медь у нас для внутренних потребителей ориентируется по цене на Лондонскую биржу металлов (не в этом ли секрет обрушения производства кабельной продукции более чем в четыре раза?) и алюминий. Китай сам себе не продаёт такую продукцию по мировой цене, поэтому вся его линейка товаров конкурентоспособная. В Казахстане (наверно превосходит Россию по запасам нефти) – цена на бензин в два раза ниже. Таких примеров не счесть. По мировой цене – это значит, что наши товары для нас стали чужими. Если собственное сырьё отечественному потребителю торговать по мировым ценам – это вряд ли означает суверенитет над ресурсами и вряд ли способствует перспективам подъёма экономики. Неужели наш нынешний политический правящий класс думает, что на спекулятивно завышенных ценах, ориентированных на промышленных гигантов западной экономики, производящих массовую продукцию для всей Европы, можно поднять (или хотя бы оживить) собственную промышленность? Такая «открытая» экономика может работать только на воспроизводство отсталости. Жаль, что зарплата основной массы населения в России не сориентирована тоже на Лондон. Предпринимателей России, которые делают бизнес на углеводородном сырье и стратегических материалах, явно не беспокоит промышленное развитие России. В этой связи любопытен такой факт: отечественный военно-промышленный комплекс развивается на тех же стратегических материалах и даже выплачивает зарплату существенно выше установленного МРОТ, при этом продукция оказывается конкурентоспособной. А вот всё остальное, что относится к частному бизнесу, – сразу становится нерентабельным. Например, если где-нибудь в НИИ разработали

оригинальную газонокосилку, и предложили её производство отечественному предприятию, затраты выводят на себестоимость, например, до 10 тысяч рублей. Её же отдают китайскому производителю, и косилка вскоре появляется на рынке (в т.ч. в России) по цене в два раза дешевле. Это иллюстрация эффективности частного капитала в России в сопоставлении с государственным.

В цветной металлургии странным представляется то, что алюминий считается стратегическим сырьём, а в России его производством и экспортом занимается компания ОК «РУСАЛ», зарегистрированная на британском острове Джерси, и это наше стратегическое сырьё контролирует иностранная компания. И платит налоги там же.

Цены на металл – не единственная проблема для обрабатывающей отрасли. Оборотные средства ограничены, отечественные с льготными ставками кредиты недоступны. Но главное – это отсутствие заказов. Почему отсутствуют заказы? Да потому, что по ценам LME можно сколько хочешь заказать в Лондоне, Париже или Берлине. Но если вагоностроители будут заказывать вагоны в Берлине, то сами вагоностроители станут не нужны, потому что таких заказчиков сколько угодно. Такая же ситуация со станками, самолётами – мелкосерийное производство нерентабельно, а крупных заказов не дают, потому что рынком владеют импортёры и им импортозамещение – как нож в горле. Вместе с тем активные закупки по импорту всегда оказывают давление на валютный рынок, где спекуляции стимулируют подпитку деньгами, провоцируя инфляцию. Самое грустное, что во всей этой истории государство как-то обособилось, призывая бизнес к совестливости. А давно назрели меры прямого воздействия через тарифы, квоты и лицензии. Похоже, главным заказчиком (а может быть и единственным) у отечественных производителей является государство, действующее в интересах организаций, выполняющих заказы ВПК. Отрадно видеть новые изделия, узнавать про новые производства, реанимации старых предприятий, выполняющих заказы оборонного ведомства. Но ВПК уже явно не может тянуть всю экономику страны. Что-то должен делать и частный бизнес. В судостроении только за счет строительства ледокольного флота доля России составляет 0,6% портфеля заказов судов в мире (доля мизерная для страны омываемой 14 морями и 3 океанами), предпочтение отдается старому торговому, рыболовному флоту, самолетов производим на порядок меньше чем раньше, потому что рынок предпочитает брать б/у Боинга. Бытовых приборов Россия производит мало, рынок заполнен импортом, автомобилестроение и производство вагонов падает из-за роста цен на металл и снижения портфеля заказов. Судя по данным Минэкономразвития, немало предприятий балансирует на грани банкротства:

Динамика финансового результата предприятий по отдельным видам деятельности		
Виды деятельности	2010 г.	2014 г.
	млрд. руб.	млрд. руб.
Производства на внутренний рынок		
Производство машин, электрооборудования, транспортных средств	106	67,1
Производство готовых металлических изделий	14,7	9,5
Экспортно ориентированные производства		
Производство чугуна, стали и ферросплавов	120,8	8,5
Производство основных химических веществ	122,2	-52,9
Производство нефтепродуктов	585,4	283,7
Производство целлюлозы и древесной массы	32,8	-11,1

Становится привычной картина остановки производства. Не нужной становится градообразующая «Уральская сталь» («Металлоинвест» сокращает сортопрокатный цех из-за низкой загруженности и, соответственно, более 2500 человек), «Комбинат Южуралникель» законсервирован с 2012 г. из-за нерентабельности и убыточности, «ЗИЛ» превращается в руины и офисный городок. Не нужен Челябинский автомеханический завод (поставщик деталей для двигателей), банкротом стал Тушинский машиностроительный завод, на котором когда-то было занято 28 тысяч, а теперь менее 900 человек. По независимым оценкам в России на 2011 г., сообщают «Аргументы недели», полностью уничтожено 42 станкостроительных предприятия. Только в столице – московский станкостроительный завод «Красный пролетарий», упомянутый выше завод им. С.Орджоникидзе, «Фрезер», Московский завод координатно-расточных станков, Институт ЭНИМС, завод «Станкоконструкция», и т.д. Список длинный, можно насчитать еще десятки заброшенных предприятий: Завод электромеханической аппаратуры, «Сатурн», «Искра», АЗЛК, Цементный завод, завод Железобетонных изделий и т.д. По словам Паничева Н. А., последнего министра станкостроения, «сознательно или нет, но сегодня уничтожается отечественная технологическая база». И это – результат «поддержки» отечественного производителя. По мнению специалистов, лучшего предприятия по оснащению, чем «Красный пролетарий» в стране не было. Это был настоящий флагман станкостроения. Но в 2010 г. он выпустил последнюю партию своей продукции. Уникальное оборудование было распродано, и завод пришел в запустение при молчаливом и равнодушном отношении к происходящему властей Москвы и Правительства России. Вспомним, что в стране износ станков составляет 80%. И всё равно заказов нет. Заказы – на импорт, который не сможет обеспечить полную потребность. И всё равно – только импорт! Очевидно, заказами в стране занимаются те, кто заинтересован в загрузке производственных мощностей там, откуда импортируются станки и прочие изделия. И Правительство России это устраивает?

Так же и с другими производствами. И нельзя сказать, что везде отсутствует спрос на продукцию этих предприятий. Разве в Москве перестали строить? В 2012 г. увеличили импорт цемента на 81%, а продукция московского Цементного завода, как и завода ЖБИ рынку почему-то не нужна. И это при том, что ГУП НИИ «Мосстрой» дал заключение, что примене-

ние импортного цемента ведет к снижению прочностной характеристики и сроков долговечности строящихся объектов.

Трудно представить, чтобы «Красный пролетарий» не искал выхода. Все выходы, как можно без труда понять, упираются в финансовые тупики и сбыт: конфликт интересов в Москве часто складывается в пользу строителей элитных квартир и офисов. А турки-строители предпочитают завозить свои материалы. Согласно открытой информации, в 2006 году в капитал «Красного пролетария» вошла НК «Роснефть» с целью «предоставления помощи(!) предприятию для отражения рейдерских атак». Но это явно не помогло. Более того, НК «Роснефть» приняла также участие в капитале ЗАО «Влакра» и ОАО «РН-Влакра», которые специализируются на торговле коммерческой недвижимостью. В 2010 г. НК «Роснефть» укрепила свое влияние в этих дочерних компаниях, и это странным образом совпало с последним годом существования завода. После этого активно заговорили о стоимости площадки на месте завода, которую можно продать за 100 или 300 млн. \$ под строительство офисов. Замечу, заводы и военные корабли, когда их распродавали в 90-е годы, стоили на два порядка меньше.

Невольно приходишь к выводу: всё в нашей экономике наоборот – офисов, как и бизнес-жилья, в Москве уже не счесть, а они всё строятся при отсутствии ажиотажного спроса. В то время как социальное жилье и станки требуются, а их производство сворачивается. Может быть, чтобы избежать полного разрушения экономики, необходимо закреплять контрольные пакеты акций предприятий станкостроения за станкостроением, машиностроения – за машиностроением и т.д.? Или за государством. На Западе было принято брать под крыло государства производства, переживающие трудности с последующей повторной приватизацией. Однако современная монетарная теория не велит вмешиваться государству – вот и погибают производства, столкнувшиеся с бойкотом уполномоченных посредников, сориентированных только на импорт. Нам могут возразить, мол, тогда не будет притока инвестиций. Но их нет и сейчас. А действия непрофильных владельцев контрольными пакетами акций часто приводят к нежелательным последствиям: они привыкли к спекулятивным операциям – купить и перепродать, не заботясь о производстве. В народе не случайно говорят: деньги – к деньгам. А деньги в России в основном крутятся в сфере финансов, в нефтегазовом секторе, да в торговле. Не случайно «Газпром» занимается электроэнергетикой в Москве, «Газпромбанк» – тяжелым машиностроением на Урале (главный акционер «Уралмашзавода»), а НК «Роснефть» проявила интерес к станкостроению. Офисов в Москве построено столько, что в некоторых местах годами висят объявления об аренде – видимо, никому не нужны. Тем не менее, они продолжают строиться (в 2015 г. построено 323,7 тыс. кв. м офисов и торговых центров), и цены на аренду не падают. Значит, искусственно держатся, чтобы оправдать непрофильные инвестиции. Кроме того, важно отметить, что рынок в России не работает на понижение цен, а только на сокращение объемов. На продукты питания – в том числе.

Судя по затратам, которые несет в настоящее время «Газпром», и проблемах на рынке газа, даже при условии уступок в цене, менеджменту приходится нелегко. Но нельзя не отметить, что некоторые проблемы стали, по-моему, результатом просчетов, допущенных его руководителями, например, при расчетах цены на газ (не по спросу, а с привязкой к очень неустойчивой цене на нефть), разработке северных месторождений, очевидно, малорентабельных при сегодняшних ценах, и при прокладке газопровода (затратных капиталовложениях) в условиях неопределенности (или даже отсутствия) контрактных гарантий непредсказуемых покупателей. И кто может гарантировать, что в электроэнергетике «Газпром» поведет правильную экономическую политику, не говоря уже о технической?

Вот так же «Роснефть» сделала безуспешную попытку спасения станкостроения, а в действительности всё свелось к недвижимости – это прибыльней. А как дело обстоит в самом нефтегазовом секторе? Неужели там уже некуда вложить с пользой деньги?

В 2012 г. добыли 518 млн.т. нефти. Отправили на экспорт 240 млн.т. и на переработку 266 млн.т. Переработали и что получили? Вот основные показатели работы нефтеперерабатывающей промышленности в России:

Год	Мощности по сырью, млн. т.	Первичная переработка, млн.т.	Загрузка установок по первичной переработке нефти, %	Производство основных нефтепродуктов, млн. т.			Глубина переработки нефти, %	Доля от объема первичной переработки, %
				Авто-бензин	Диз-топливо	Мазут		
1990	351	300	85	41	75,6	95	67	70,53
2012	279	266	95	38,2	69,7	74,5	71,5	68,57

Что изменилось за 22 года? По статистике сократились мощности, а глубина переработки повысилась. Но что в результате получили? – переработка всё глубже, а светлых фракций всё меньше. И опять вразрез с рыночной логикой: спрос растет (с ростом парка автомобилей), а топлива всё меньше. Т.е. удельный вес светлых фракций (автобензина и дизельного топлива) действительно чуть вырос, но не за счет более глубокой переработки, а за счет сокращения выхода товарной продукции от объема первичной переработки, особенно мазута, и увеличения отходов. Что ж это за рынок такой? – спрос, потребности растут, а производство сокращается. Как будто нарочно, чтобы создать предпосылки для роста цен. Теория спроса и предложения явно не про наш «рынок». Настоящий рынок так регулировать не может. За этим стоят конкретные люди из бизнеса и из чиновников, которые как раз такие создают условия для бизнеса. Либо наоборот, занимают посты, но ничего путного сделать не хотят или не умеют. Судя потому, что за четверть века подход к решению проблем не меняется, напрашивается вывод – чиновники не способны к самообучению: вместо того, чтобы путём создания рабочих мест расширять налоговую базу, снижением налогов на мелкий и средний бизнес стимулировать производство и бизнес, снижением косвенных налогов тормозить инфляционную нагрузку на население и стимулировать рост потребления, всё делается с точностью наоборот. В свою очередь сырьевой «бизнес», получив от государства всё на блюде, не стремится развивать его вглубь, а ищет, где можно дешевле вложиться и получить выгоду больше. Так, например, глубина переработки на предприятиях «Роснефти» была – 64,5%, и это не самый плохой показатель. У «Сургутнефтегаза», как сообщают общедоступные СМИ, невероятно – 43,2%. Для сравнения, в США – 92%. Получается, есть над чем поработать и вложиться для повышения эффективности нефтяным компаниям в своей отрасли. Государство могло бы налогами регулировать заинтересованность в глубокой переработке, равно как в обеспечении заказами отечественного станкостроения, когда оно ещё было.

Компании нефтегазового сектора идут в непрофильные отрасли, наверно косвенно способствуют возникновению мини-заводов, осуществляя на них поставки нефти (иначе, откуда те получают сырьё?), но не очень занимаются реконструкцией своих старых заводов, чтобы повысить отдачу. Значит, не выгодно в России вкладывать деньги в глубину переработки, выгодней в сырьё и недвижимость. И это – упрек законодателям, т.к. это ещё и повод утаивать продукцию с более высокой степенью переработки. Налоговая система, таможенные тарифы, система квот должны ориентировать преимущественно на готовый продукт с высокой степенью обработки. Нефтяные компании демонстрируют нам свою незаинтересованность. Тем более, что 83 млн. тонн нефти за минусом использованной для собственных нужд – это потери не для нефтяной компании, не для нефтепереработки, а для потребителей (читай, – экономики в целом), потому что в конечную цену потребителя они, безусловно, будут включены. Этого мало. Как известно, предприятия даже нефтегазового сектора пользуются субсидиями государства. А это – возврат части ранее уплаченных налогов. Так, в 2012 г. предусматривалось

выделение из бюджета 29,5 млрд. рублей, в 2013 г. – 19,9 млрд. рублей, из которых наибольшая доля предназначалась ОАО «Газпром». Кроме того, нефтегазовому сектору предоставляют различные преференции, устанавливая на низком уровне налоги на добычу полезных ископаемых, замораживая их временами в абсолютных цифрах (вне зависимости от объема, значит, можно выкачивать скважины до истощения) или даже отменяя. Снижают пошлины. Но если в нефтегазовой отрасли доля иностранного капитала в разные времена составляла от 40 до 70%, то для кого эти преференции, субсидии? И кто проигрывает? Бюджет, т.е. население, которое, перечисляя в бюджет налоги, оплачивает эти денежные вливания в нефтегазовые гиганты и банки. При том что государство у нас по конституции – социальное. Или это опять – поддержка «отечественного» производителя?

Вот в такой обстановке, если верить статистике, приходится выживать реальному сектору экономики. И всё-таки с трудом, но что-то производим, и даже зарабатываем. Обратимся, наконец, к потребительским расходам.

Нас пытаются заверить, что по «паритету покупательной способности» россияне живут с каждым годом лучше. И действительно, если судить по этому паритету и верить статистике, мы с удивлением обнаруживаем, что Россия в 2013 г. по ВВП была на шестом месте, сразу после Германии, опережая Францию. А сейчас – особенно хорошо, после скачка курса доллара и евро по отношению к рублю. Литр бензина стоил 94 цента, а теперь меньше 50 центов. Прекрасно, тогда и жить мы должны как в Германии. Возможно, кто-то так и живет. Но статистика размазывает благополучие на всех. Почему же не живём? Потому что зарплата начисляется не в долларах, а в рублях. При этом: то зарплата сокращается, то рабочая неделя, то рабочее место. Поэтому вопреки статистике доходы становятся меньше, а цены выше. Видимо, что-то с этим паритетом не так. Чтобы разрешить этот казус попробуем использовать другой паритет – покупательную способность рубля в наше время и в далекие 70-е годы XX века так называемого «брежневского застоя». И применим простую арифметику: в 1976 г. можно было очень неплохо пообедать (своеобразная потребительская корзина) на 1 рубль (и даже меньше), сейчас надо не меньше 250–300 рублей. Нам могут возразить, мол, можно было пообедать, но купить ничего нельзя было. Так ли? Оценим розничный товарооборот: в 2014 г. его объем оценивался в 26,256 трлн. рублей, это 182 716 рублей на душу в год, а в 1976 г. – 225,8 млрд. рублей, что составило 947 рублей на душу. Получается, всего 731 (182716/250) обед – импровизированная условно «потребительская корзина» розничного товарооборота на душу сейчас против 947 в пользу «застоя». Выходит, рынок в 2014 г. почти на треть был менее насыщен потребительскими товарами, чем в 70-е годы прошлого века. А в 2015 г. – еще меньше. Странно это, судя по прилавкам? Это потому, что сегодняшний розничный рынок – это витрина. А судить надо не по тому, что лежит на прилавке, а по тому, что продано.

Проиллюстрируем состояние рынка на товарах легкой промышленности. По информации газеты «Ведомости», продажи одежды и обуви в России в I квартале 2015 г. против аналогичного периода 2014 г. сократились на 42% в натуральном выражении и на 19% в денежном. Даже если предположить, что часть сокращения продаж в денежном выражении компенсирована некоторым увеличением оборота люксовых брендов, вряд ли разницу в 2,2 раза можно объяснить только этим. Налицо существенный рост цен. Специалисты оценивают российский рынок одежды и обуви в 2,8 трлн. рублей. Если процентное сокращение за квартал распространить на годовое исчисление, можно предположить, что за 2015 г. только на одежде и обуви, и только через рост цен, из кармана более состоятельных потребителей извлекут около 600 млрд. рублей, компенсировав потери оборота в натуре.

Падение рынка на 42% объяснить можно только процессом оскудения денежных запасов у большинства населения. Также как в промышленном секторе – отсутствием оборотных собственных и заемных (из-за дороговизны) средств. Торговлей акциями занимаются сторонние (Управляющие) компании, и деньги до производителей не доходят. Сегодня почему-то

всех заботит не состояние промышленного сектора, а курс рубля и цена на нефть. Курс рубля падает, а вместе с ним падает капитализация рынка акций (в долларах). Сегодня она в долларовом выражении упала по итогам 2014 г. в два раза, а в рублевом осталась на уровне 2009 г. Это значит, что по паритету покупательной способности не жизнь населения стала лучше, а российские предприятия для владельцев долларовых авуаров стали дешевле. Значит, опять можно ожидать смену собственников и новые банкротства. И товары в России для иностранцев с долларами или евро стали дешевле. Недаром финны занимаются шопингом в России. Для иностранцев Россия становится более комфортной страной, чем для коренного населения.

Итак, судя по розничному товарообороту, его потенциал для роста ВВП не велик. Что касается услуг: аналитики говорят, что в России услуги обеспечивают половину всего ВВП (это 35 703 млрд. рублей), сравнивая с США, где их доля $3/4$, или Европой – там доля от $3/5$ до $2/3$. Всё может быть. Только в США и Европе – за счет роста доли услуг при сохранении производства, а в России – за счёт сокращения производства. Такой удельный вес услуг в ВВП страны со скудными средствами у населения и в реальном секторе экономики, говорит только о дороговизне жизни и низких доходах. По мнению аналитиков $3/5$ (21,4 трлн. руб.) – это услуги транспорта, бытовые услуги, ЖКХ, т.е. услуги добровольно – принудительного характера и затрагивают всё население. Потребитель обязан их оплачивать, сколько бы они не стоили. Остальные $2/5$ – это туризм, отдых, общественное питание, культура и спорт, которыми пользуются все, но чаще – только часть населения. Стоимость оказанных услуг трудно оценить в натуральном выражении. Да и в оценке их стоимости и доли в ВВП есть сомнения. В ЖКХ, например, если каждая семья из 3-х человек платит за квартиру в среднем в размере 4000 рублей, то сумма для всего населения в год всего 2,3 трлн. рублей. Транспорт, как показано в начале статьи, реализовал услуг на 4,133 трлн. рублей, т.е. с учетом микробизнеса – не более 4,9 трлн. рублей. Остались услуги на 14 трлн. рублей? Трудно представить пенсионеров и безработных в очереди на бытовые услуги с крупными суммами под 100 тысяч. Зато такие расходы могут быть связаны с посредническими услугами коммерческих структур. Здесь частично могли образоваться средства, пошедшие на рост частных состояний. Частично потому, что эта сумма вписывается в размер прироста номинального ВВП, который вырос за 2013 и 2014 гг. на 8757 млрд. рублей. А частные состояния, как мы знаем из доклада Boston Consulting Group, выросли на 24,7%, т.е. на 396 млрд. \$, что в отечественном эквиваленте составляет около 13,95 трлн. рублей (при условии ежемесячной конвертации равными долями, сумма странным образом совпадает с 14 трлн., оставшимися нераспределёнными от «услуг»). Сумма прироста частного капитала в 1,6 раза больше прироста ВВП даже с учетом роста цен – примерно на 5,2 трлн. рублей (13,95–8,76). Если они не заработаны в реальном секторе экономики и не на потребительском рынке, то где еще? Это могут быть услуги, трудно поддающиеся статистическому учету: наценки посредников при реализации импортных товаров, не нашедших отражения в ВВП, торговля на бирже и, наконец, проценты по депозиту, что в свою очередь предполагает доход на кредитах. Иначе говоря, прибыль, полученная на бирже.

В стоимости ВВП мы не коснулись инвестиций. По данным Росстата суммарный объем инвестиций в черную металлургию с 2010 по 2014 г. составил более 700 млрд. рублей (с рудным сегментом), в лесное хозяйство, лесозаготовки и услуги в 2014 г. – 82,58 млрд. рублей, в транспортный комплекс в 2014 г. – 1,4 трлн. руб., в т.ч. из федерального бюджета 359 млрд. руб. Суммарные инвестиции в основной капитал в 2013 г. составили 13255,5 млрд. руб., в 2014 г. – 13527,7 млрд. руб. – опять близко к сумме нераспределённых услуг. И вновь возникает вопрос: туда ли пошли инвестиции? Сокращение производства, вялый рост или банкротства не могут быть при активном спросе и хорошем инвестиционном климате. Невольно напрашивается вывод, что инвестиции выделяются, но капитализируется из них явно ничтожно малая доля. Кроме того, Boston Consulting Group отмечает, что большая часть частных состояний

хранится не в акциях или облигациях, а на валютных счетах. Значит, возможно, в средствах, которые участвуют в торгах на бирже.

Вот данные из годового отчета Московской биржи ММВБ-РТС за 2014 г.:

Рыночная площадка (объём торгов, млрд.руб.)	2014 год
Фондовый рынок	10280
Срочный рынок	61320
Валютный рынок	228500
Денежный рынок	204380
Рынок драгоценных металлов	16,4
ИТОГО:	504496

На фоне денежного голода в реальном секторе экономики, как видим, на Московской бирже участники сделок не стеснены в средствах. Трудно учесть оборачиваемость громадных сумм, но то, что их прирост никак не связан с ростом экономики (о чем гласит теория монетаризма), – это очевидно. Причем на валютном рынке доля нерезидентов по оценке Российской Бизнес-газеты, составляет 17% (впрочем, у них могут быть в агентах резиденты), а на рынке акций (фондовом) и срочном рынке доля составляет 44–45%. Тогда напрашивается один вывод: тем, кто ежедневно совершает спекулятивные операции на сумму в 50–60 млрд. рублей и более (а ведь если разделить годовую сумму на число дней в году, то – 559 млрд. рублей=17млрд.\$ по среднегодовому курсу), им разговор о производстве и его проблемах, платежеспособности населения, ценах и тарифах не интересен.

К сожалению, он не очень интересен и многим чиновникам.

Просто удивительно, как это российская экономика умудряется выживать в таких условиях. Кризис экономики ощущается буквально во всем. Но нарисованная здесь картина говорит скорее не о кризисе экономики, а о затянувшемся кризисе государственного регулирования экономики и непродуктивности всех реформ. Законодательство, регулирующее финансовую и производственную сферы, явно расходится с интересами экономики России. И то, что государство предприняло в отдельных направлениях шаги к стимулированию роста – размещало заказы, выделяло денежные средства, – вызвало некоторое оживление, поддержало отрасли. Значит, возможны эффективные способы управления даже при нынешнем во многом несовершенном законодательстве. Может быть, чиновникам не хватает квалификации, доброй воли или желания?

Во всяком случае, очевидно, что наша экономическая «элита» сильно уступает элите Китая, который начинал реформы с куда более низкого старта. Поразительные данные приводит И. Г. Калабеков в книге «Россия, Китай и США в цифрах». Вот несколько цифр:

Показатель	РОССИЯ		Китай		США	
	1990	2014	1990	2014	1990	2014
ВВП, тек. цены, млрд. \$	1102	1857	390	10380	5980	17419
ВВП с учетом ППС, млрд. \$	4,9 (1992)	3565	1091	17617	5980	17419
Индекс потреб. цен (1990=100)	100	7,35 млн.	100	280	100	177
ВДС (вал. добавл. стоимость) в промышленности, млрд. \$		655	147	4418	1493	3212
ВДС в строительстве, млрд. \$		130,6	17	725	242,9	619,9
ВДС в с/х, млрд. \$	93	71,3	106	949,5	110	227

Что к этому добавить? При сегодняшнем курсе рубля ВВП 2014 г. в долларовом выражении в России упал ниже 1990 года – до 1006 млрд. \$, к тому же надутых инфляцией. При таком раскладе и с такими темпами России остается догонять только себя в 1990 году, от остальных безнадежно (?) отстала.

Классики рыночной экономики утверждают, что прибыль, которую вправе получать предприниматель, полагается ему за предпринимательскую способность. А предпринимательская способность – это такой экономический ресурс, который берет на себя:

Инициативу соединения ресурсов – земли, капитала и труда в единый процесс производства товаров или услуг;

Задачу принятия основных решений по ведению бизнеса;

Новаторский подход, т.е. обеспечивает разработку новых технологий, выпускает новую продукцию;

Риски, связанные с перезапуском производства.

Т.Пикетти в своей работе "Капитал в XXI веке" делит имущественное состояние на два вида: наследственное и предпринимательское. Наследственное применительно к России исключаем из рассмотрения, а предпринимательское везде на Западе тоже условно делят на два вида: нажитое своим предпринимательским трудом и полученное на спекуляциях. Предпринимателей, нажившихся не совсем честным трудом, в свой круг не очень допускают. Например, из богатейших семей японских миллиардеров Йосиаки Цуцуми и Тайкичиро Мори, занимавших первую сточку в рейтинге "Forbes" с 1987 по 1994 г., которые нажили своё состояние, как считается, благодаря пузырю на бирже и на рынке недвижимости, или индийского магната Лакшми Миттала, который возмущает тем, что его роскошные лондонские дома по стоимости вдвое превышают его инвестиции в производственный комплекс во Флоранже. Приведённые примеры соотечественникам ничего не напоминают? Это наша действительность. А таких даже на Западе не уважают.

Многие, прочитав мои заметки, скажут: «Всё это и так известно. Америку не открыл». И действительно. Все эти сведения есть в интернете. Просто они иначе воспринимаются, если ряд известных сведений поставить рядом – выявляются некоторые особенности нашего «развития». Вот, например: в 1987 г. в мире было всего 5 долларовых миллиардеров на 100 млн. взрослого населения и 30 стало в 2013 г. В России из-за кризиса число долларовых миллиардеров упало с 111 до 88 человек на те же 100 млн. взрослых обнищавших человек. Ничего себе социальное государство. Выходит, у нас самые предприимчивые предприниматели. Только вот на населении и на росте ЧАСТНОГО сектора экономики это практически никак не отразилось.

Каким же видится рынок России с точки зрения теории? И есть ли у нас предприниматели? К ним трудно отнести тех, кто существенно прирастил свои капиталы за последние два кризисных года, потому что ни одной задачи из четырех, перечисленных выше, они не решали и не собирались решать. Они воспользовались наследством, принадлежавшем всему народу в недавнем прошлом. А раз так, то прибыль, полученная без реализации этих задач, – неосно-

вательное обогащение при полном попустительстве чиновничьего аппарата, который предпочитает законодательно не мешать такому "бизнесу".

Рыночные механизмы, запущенные у нас, – куда более репрессивная система по отношению к 90% (или как минимум к половине) населения, чем командная система. С той разницей, что при командной системе на 90% населения приходилось гораздо больше доходов и имущества (через общественные фонды потребления), чем в сегодняшней «рыночной» системе.

Предприниматели, конечно, у нас есть. Но они беззащитны перед государственной машиной, настроенной, как инкубатор, выращивать миллиардеров за счет благосостояния остального населения.

Декабрь 2015 г.

О капитальном ремонте и спонсорах ЖКХ

В России за годы либеральных реформ перепало всем сестрам по серьгам: одним при приватизации капитального наследства от СССР за бесценок (а иногда и бесплатно – деньгами из бюджета) достались заводы, нефтяные скважины и пароходы, другим (впрочем, почему другим – всем; просто некоторым – как довесок к скважинам) повезло хоть тем, что облагодетельствовали правом бесплатной приватизации квартир. Подарили то, что «благодетелям» и не принадлежало, а было построено и передано в пользование задолго до реформ по интенсивной деиндустриализации страны. В том числе в домах, которые требовали капитального ремонта еще в советские времена. Более того, бесплатную приватизацию продолжают разрешать и сейчас, и всё более настойчиво. Причем в отличие от прочих прав (на труд, на защиту от безработицы), это гарантировано. Интересно почему? Во-первых, с большой долей вероятности можно предположить, что приватизация квартир – это примитивная калька с американского рынка проблем, связанных с недвижимостью, именуемых ипотекой. Кроме того, квартиры государство отдаёт во владение, чтобы было что закладывать банкам при полном отсутствии средств к существованию. Ещё для чего? Для того, чтобы переложить государственные расходы на население. Благодаря такой конверсии государственные расходы оборачиваются для него доходами. В пользу государства или уполномоченных им организаций – неважно. Государству важно было распределить зоны кормления. ЖКХ – лакомый кусок: ведь тарифы могут расти бесконечно. Бесплатная приватизация в наших реалиях – это своеобразный Троянский конь. Если дочитаете, поймёте, почему.

Хрущевские пятиэтажки по программе реновации правительства Москвы должны быть уже снесены, а в ряде районов, в т.ч. в ЮАО Москвы, они стоят, целехоньки – как памятник эпохи. В отчете, возможно, не уточнили, что речь о тех домах, которые были включены в программу реновации. Во всяком случае, много домов осталось не включенными в реновацию, – им назначили ремонт через 20–30 лет. У жильцов это вызвало недоумение: расчёт на то, что дома сами рухнут что ли? Впрочем, дома могут быть ещё крепкими – таковы были в то время нормативы по запасу прочности: на цементе не экономили, а теперь он импортный, к тому же плохого качества, как отмечал НИИ «Мосстрой», а вот жильцы могут не дожить. Странно только, что администрация ЮАО отчиталась о завершении сноса всех пятиэтажек. На самом деле, видимо, только тех, которые приглянулись инвестору. Нет инвестора – нет жилья. А инвестору подавай прибыль.

Для сноса, как и для строительства, правительство привлекает бизнес, рассчитывается за долю в жилье предоставлением строительной площадки, а бизнес диктует свои условия – элитное количество элитного жилья – на коммерческий рынок. Почему элитного? Потому что благодаря такой схеме финансирования строительства в Москве даже самое простое жильё может стать по карману только элите. Стоимость тех квартир, которые передаются городу для расселения, вероятней всего, относится на затраты тех, которые поступают на коммерческий рынок. Вот так и исчезает социальное жильё. Там, где коммерческого застройщика не заинтересовали, дома будут стоять, пока сами не развалятся. Чиновники будут только разводить руками и утверждать, что жильё пригодно для проживания.

Такая же ситуация и с капитальным ремонтом – деньги диктуют условия. Не одно поколение москвичей выплачивало свои кровные за квадратные метры. Не говоря уже о том, что дома, как и заводы, до 1991 г. были общенародной собственностью, то есть оплаченные из общественных фондов потребления (куда делались отчисления предприятиями, поэтому и предоставлялись государством бесплатно). Своего рода, народного «акционерного общества», который был «прихвачиван» теми, кто якобы против того, чтобы отбирать и делить. Деньги копились поколениями, но на ремонт их всегда не хватало.

К вопросу о сборе всё время недостающих денег из кармана населения для ЖКХ через такую «незаметную» лазейку, как капитальный ремонт, отнесёмся более внимательно.

Если нормативный срок эксплуатации «хрущёвки» 50 лет, и этот срок к моменту приватизации хотя бы наполовину истек, то логично предположить, что, даже следуя логике идеологов приватизации, «бесплатно» владельцу квартиры досталась лишь её половина, ведь перед приватизацией государство должно было сделать капитальный ремонт, но не сделало. А нам всё время говорят о налогах с полной коммерческой стоимости. На каком основании? Логика у государства простая – денег в казне на ремонт нет, значит, надо думать, что нет и износа. Итак, нам подарили то, что нам принадлежит, минимум за двойную стоимость. Ниже мы попытаемся убедить читателя, что и первая половина, и вторая, давно оплачены населением, только доверило население эти отчисления ненадежному партнеру – государству, у которого с 90-х годов всё бесследно исчезает – и документы и деньги.

В советские времена на капитальный ремонт делались амортизационные отчисления из бюджета, поскольку основные средства де-юре принадлежали государству. И куда они делись? Любое государство не любит отчитываться перед населением, а то, которое строим с 90-х годов – тем более. Наказывать, если государству потребитель не доплатил (иногда по праву, за не оказанные услуги), – правовые органы всегда готовы, а вот защитить – нет. Отчитаться за амортизационные фонды, накопленные за всю историю дома, за использование взносов населения из фонда капитального ремонта – это извините.

Кроме амортизационных отчислений государства, хозяева квартир (тогда все были арендаторы, но как хозяева) оплачивали (хотя, может быть, и частично) все виды ремонта. Это была не просто квартплата.

Читаем Постановление Совета Министров РСФСР от 30 октября 1967 г. (с изменениями и дополнениями, внесенными Постановлением СМ РСФСР от 10.10.1985 № 445, № 6 1986 г. и № 145 от 14.04.1987): «В тех случаях, когда после покрытия всех расходов по эксплуатации жилищного фонда образуется свободный остаток средств, он направляется в установленном порядке на создание фондов стимулирования, на прирост собственных оборотных средств жилищно-эксплуатационных организаций и на капитальный ремонт основных фондов жилищного хозяйства. Финансирование капитального ремонта основных фондов жилищного хозяйства осуществляется в плановом порядке за счет отчислений от арендной платы за нежилые помещения, свободного остатка средств жилищных организаций, государственного бюджета, а также средств предприятий, организаций и учреждений, в ведении которых находятся жилые дома».

О том, что платежей, которые поступали в фонд, в том числе и от населения, было достаточно, чтобы накопить средства для капитального ремонта в установленные сроки, говорит и Жилищный кодекс РСФСР, который утвержден ВС РСФСР 24.06.1983 г. в ред. от 20.07.2004 г. Читаем его:

Статья 147: «Государственные жилищно-эксплуатационные и ремонтно-строительные службы осуществляют по договору техническое обслуживание и ремонт общественного жилищного фонда, домов жилищных и жилищно-строительных кооперативов, а также многоквартирных домов, находящихся в собственности граждан. Оплата расходов, связанных с техническим обслуживанием и ремонтом этих домов, производится по ставкам или на условиях, установленных для обслуживания и ремонта жилых домов государственного и муниципального жилищного фонда».

Статья 154: «Плата за жильё и коммунальные услуги для собственников в многоквартирном доме включает в себя в том числе и взнос на капитальный ремонт».

Часть 1 статьи 158: «Собственник помещения в многоквартирном доме обязан нести расходы на содержание принадлежащего ему помещения, а также участвовать в расходах на содержание общего имущества в многоквартирном доме соразмерно своей доле в праве общей

собственности на это имущество путем внесения платы за содержание и ремонт жилого помещения».

В 90-х годах платежи населения также включали и отчисления на капитальный ремонт.

Постановление Правительства РФ от 18.06.1996 № 707 «Об упорядочении системы оплаты жилья и коммунальных услуг» гласит:

П.1 «Структура платежей населения за жильё всех форм собственности должна включать: первый платеж – за содержание и ремонт (включая капитальный ремонт) мест общего пользования в жилых зданиях, второй платеж – за коммунальные услуги».

Об этом же говорит Приказ Минстроя РФ от 02.12.1996 г. № 17–152 «Об утверждении «Методических указаний по расчету ставок платы за найм и отчислений на капитальный ремонт жилых помещений, включаемых в ставку платы за содержание и ремонт жилья (техническое обслуживание)».

Документ носит рекомендательный характер, но только в части методики расчета, т.к. много факторов, которые влияют на конечную сумму. Но то, что сумма взносов на капитальный ремонт была всегда заложена в платежный документ, сомнений приведенные выше документы не оставляют.

Вывод следует один – отчисления на капитальный ремонт из платежей населения должны были производиться и производились всегда. Такие отчисления предполагаются даже от тарифа тех, кто пользуется жильем по найму, т.е. из 2,50 рублей. Тем более из тарифа собственников – почти в 17–20 рублей за квадратный метр. Иначе как объяснить такой тариф? Когда для собственников устанавливали в 8 раз выше тариф, так и обосновывали – на капитальный ремонт. Теперь забыли?

Вот почему государство переносит сроки бесплатной приватизации, всячески идет навстречу, упрощает, почти умоляет. Можно сделать вывод только один – это тоже вид бизнеса: чтобы не нести расходы на активы, которые давно превратились в пассивы, теперь эти пассивы государство умоляет взять на себя население, а себе оставить одни активы – платежные требования – поборы ведь увеличиваются существенно. И неважно, что это делает население еще более нищим. Государство палец о палец не ударило, чтобы отремонтировать крыши, канализацию в домах, которым по 50–60 лет. Как показал многолетний опыт, вся роль государства сводится к тому, чтобы выставлять счета, при этом не беря на себя никаких обязательств, кроме обновления фасада, да устранения аварийных ситуаций. Суммы в счетах растут в геометрической прогрессии.

Галопирующая инфляция вроде закончилась в 90-х годах, а население получает жировки, цифры в которых скачут почти в традициях лихих 90-х годов. Например, за период с 1999 по 2009 г. платежи в Москве за содержание и ремонт хрущевской жилой площади для собственников жилья выросли с 0,24 рубля за 1 кв.м. до 6,66 рублей, а с 2009 г. по декабрь 2015 гг., соответственно, с 6,66 рублей за 1 кв. метр до 16,69 рублей за 1 кв.м. Рост в первом случае в 27,7 раза, а во втором – еще в 2,5 раза. Никаким дефлятором такой рост не объяснить. Это тариф за содержание и ремонт (включая капитальный ремонт), согласно вышеприведенным нормативным документам. Сомнений быть не должно.

Но и это еще не всё. Так росла расценка за жилую площадь, а ведь есть еще вторичное жильё: балкон, кладовки, коридоры, ванна с туалетом. Хотя в Методиках расчета стоимости жилплощади такого деления нет. Тем не менее, в жировках в соответствии с Постановлением правительства Москвы они есть, и здесь цена выросла за 6 лет с 16,8 рубля до 20,29 рубля за 1 кв.м. Дороже, чем жилые помещения. Раньше такого понятия не было, это придумали «мудрецы» от ЖКХ в нулевые годы. Не было в жировках раньше и такого понятия, как водоотведение, которое удваивает сумму за пользование водой. При этом тариф вырос с 9,1 рубля в 2007 г. до 20,69 рублей в 2015 г. Дальнейшие реформы привели к созданию еще одной, близкой к правительству Москвы структуры, которой надо зарабатывать – так называемой Управляющей

компании. Зачем она? Чтобы управлять или собирать деньги? Правительство это не волнует, потому что содержание её повесили на население. Если надо выполнить какие-то работы, она, как правило, нанимает ещё кого-то. Вот почему растут тарифы: надо оплачивать уже не одну организацию, а две. Повторюсь, что плата за жилую площадь по найму составляет 2,5 рубля. Отсюда расчёт государства: чем меньше муниципального жилья, тем меньше субсидия. Впрочем, государство по-прежнему не торопится раскошелиться на качественный капитальный ремонт муниципального жилья – кто спросит с государства? Разница с платежом собственника – 16,69 руб. – очевидная. Собственник несёт расходы по содержанию квартиры самостоятельно, т.е. платит за всё из своего кармана. Причем эта цифра почти каждый год растёт, а физический объём услуг не меняется, как и их качество. Иногда меняется в сторону сокращения: реже моют полы в подъезде, реже вывозят мусор, водоотвод или вентиляцию не смотрят вовсе – только в аварийных ситуациях. Надзор за сбором средств с населения есть, а объём предоставляемых услуг не контролируется. Например, обслуживание кодового замка обходится населению недешево, а никто не припомнит, когда проводили хоть какую-нибудь профилактику с ним. В итоге платеж за содержание и ремонт квартиры в хрущевском доме (по всем нормативным документам «включая отчисления на капитальный ремонт») за 55 кв.метров в декабре 2015 г. составил 971 рубль, 95 копеек (без учета пользования холодной и горячей водой с водоотведением и электроэнергией и пр.) против 518, 4 руб. в январе 2009 г., и с 2015 г. отдельной строкой еще за капитальный ремонт 825 рублей. Суммарный темп роста относительно 2009 г. составил 346,6%. Хорошо, если бы государство объяснило такие манипуляции и с непостижимо галопирующими цифрами в едином платежном документе и с двойным отчислением на капитальный ремонт.

Однако вернёмся к капитальному ремонту.

Есть ещё один любопытный вопрос, который хотелось бы задать Мэру Москвы (не знаю, как в других регионах): деньги на капитальный ремонт собирают исправно каждый месяц и уже не один год. Но вот начали ремонт. Вы думаете, используются все отчисления за 50 лет? Как бы не так. Согласно Постановлению правительства Москвы № 86-ПП от 27.02.2015 г. используются для капитального ремонта средства собственников квартир «в размере не более 90% от общего объема взносов на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах на территории города Москвы, поступивших в фонд за предшествующий календарный год». Иначе говоря, средства собираются десятилетиями, а используются только те, что собраны за прошлый год. Куда же попадают средства, перечисленные в Фонд в предшествующие годы? Значит ли это, что в 2016 и последующие годы не будут брать этот дополнительный взнос? Ничего не значит, уже берут. Куда и на что пойдут собранные средства, спрашивать бесполезно. Об этом не знает никто из чиновников. Вот это и есть «Троянский конь», с помощью которого влезают в карман жильцов. Сборы идут, а на капитальный ремонт использоваться не будут. Возможно, пойдут на новое строительство "за счет бюджета"! Если нет – сомневаюсь, что 20–30 лет спустя об этих деньгах вспомнят.

И ещё один документ – Постановление Госстроя от 12 октября 2000 г. № 103, в котором говорится:

«Использование показателя «общей площади жилья» для расчета платы за содержание и ремонт жилья (включая капитальный ремонт) базируется на том, что указанный платеж устанавливается в размере, обеспечивающем возмещение издержек на содержание, капитальный и текущий ремонты, мест общего пользования в жилых домах, к которым в том числе относятся межэтажные лестничные клетки, лестницы, крыши ...».

То есть, нет никакого раздвоения на первичное и вторичное жильё, за которое с нас взимали в повышенном размере. И опять – включая капитальный ремонт. Игнорировать собственные Постановления, методики и кодексы – это стало традицией власти государственной и городской. С 90-х годов население для государства стало дойной коровой. Но ведь если госу-

дарство не обеспечивает своих граждан работой, нормальной зарплатой, нормальными условиями жизни, приглашая иностранные капиталы, иностранные фирмы, иностранную рабочую силу, то имеет ли право такое государство вообще брать платежи за жильё, ставшее, например, непригодным? Таких сюжетов по телевизору сколько угодно. И у так называемого «социального» государства совести хватает брать деньги за жильё, выработавшее свой ресурс на 100%, оплаченное населением на 200% (с учетом затрат на строительство из фондов, сформированных населением), вложив в него лишь копейки на покраску стен, вывоз мусора и содержание дворника с сантехником, а на копеечный капремонт – лишь взносы за один год!

Ну, хорошо, приняли Постановление о проведении капитального ремонта, установили сроки (возможно, с надеждой, что он дожждётся ремонта). Установили объем работ, включенный в капитальный ремонт. Это:

- ремонт внутридомовых инженерных систем...;
- ремонт или замена лифтового оборудования...;
- ремонт крыши;
- ремонт подвальных помещений;
- ремонт фундамента многоквартирного дома;

Заметим, что тариф в Москве на все дома один – 15 рублей за квадратный метр, а дома, следовательно, объемы работ, сильно отличаются. На один дом потребуются затраты в 20–25 рублей на метр квадратный, в другом (отдалённом спальном) – 8–10. Нет, например, лифтового оборудования, нет подвала, нет фундамента (самых дорогостоящих позиций) – это заведомо минус из тарифа. Да ещё часть работ, подлежащих выполнению, не выполняют, сэкономят. Это значит, что население спальных районов оплатит ремонт домов престижного центра.

Всякий раз, когда сталкиваешься с чиновниками московского правительства или надзорными органами, поражаешься их некомпетентности и какой-то странной незаинтересованности в решении вопросов. Поэтому москвичи, которые поколениями живут в Москве, которых всё дальше отселяют от Садового кольца (благо, она расширяется, и скоро Москвой назовут еще какие-нибудь Нью-Васюки), не очень надеются на качественный ремонт, если он вообще состоится: слишком много отрицательных отзывов. Забота о москвичах пока проявляется только на словах. Мне представляется, что так обстоят дела не только в Москве. Москва в данном случае – лишь показательный пример. Капитальный ремонт на деле скорее всего обернётся имитацией за наши с вами деньги. Ведь к работам по ремонту привлекаются фирмы с ограниченной ответственностью размером в 10 тысяч рублей, работники плохо понимают по-русски. Иначе говоря, если что – претензии предъявлять некому. Рядовые граждане всегда остаются один на один с проблемами, от чиновников помощи нет никакой. Сужу по своему опыту.

Если у нас социальное государство, не справедливей ли было бы все эти вышеизложенные аспекты рассмотреть в интересах населения (дорогих москвичей, смолян, калужан и т.д.), ввести поправочный коэффициент в зависимости от категории дома? Конечно можно, но, как показала практика, когда на одной чаше весов справедливость, а на другой – деньги, то выбор всегда в пользу денежных знаков. Пусть даже из пустого кармана. К приватизации подталкивали ведь не случайно: поднатужатся, ужмутся в пояс, закредитуются, перекредитуются, в крайнем случае, отдадут квартиру...!

Это на Западе спонсоры – те, которые богатые. У нас, в социальном государстве, всё наоборот.

Февраль 2016 г.

Государство и бизнес. Общая цель или конфликт интересов?

Мы часто слышим от сторонников либеральных взглядов, что государства должно быть в экономике мало. Так же гласит и монетарная теория. Тут есть над чем подумать, потому что в государстве, как и в человеке, может быть много хорошего и плохого. Ведь государство, даже если под ним понимать не весь народ, а только правящую верхушку, может быть разным. Может быть строителем как в петровские или советские времена, а может быть разрушителем, как в 90-е годы. Государства, в котором сбалансированы интересы собственно государства, в лице его коренных народов, и бизнеса, должно быть достаточно, чтобы поддерживать баланс интересов всех слоев общества. Стремление к максимально рациональному использованию всех ресурсов (в том числе трудовых) должно быть главной регулирующей функцией государства. Только так возможно развитие. Если этой гармонии интересов нет, государства много быть не может. Пока интересы между различными слоями общества расходятся, государство свою роль не выполнило. Значит, его в экономике слишком мало. Только в воспалённом мозгу анархиста экономика сама собой отрегулируется: история таких примеров ещё не знает.

Те, кто убеждал нас, что рынок всё сбалансирует и создаст предпосылки для беспрецедентного роста экономики, откровенно врал, потому что рынка в чистом виде нигде никогда не существовало. И нигде без участия государства мифический рынок ничего не сбалансировал. За образец преподносят США, где участие государства в производственном процессе невелико, но умалчивают о том, всегда ли так было? Не всегда и не везде. На определенном этапе развития государство, а не рынок, играло существенную роль. Вот сухая статистика:

Доля государственных расходов в ВВП за 1870-1998 гг., %								
Страна	1870		1913		1960		1998	
	I	II	I	II	I	II	I	II
США	7,3	0,3	7,5	0,6	27	7,3	32,8	16,3
Германия	-	0,5	14,8	-	32,4	18,1	46,9	21,2
Франция	12,6	0,5	17	0,8	34,6	13,4	54,3	27,8
Великобритания	9,4	0,9	12,7	1,4	32,2	10,2	40,2	16,8
Италия	11,9	0	11,1	0	30,1	13,1	49,1	24,5
Япония	-	0,1	8,3	0,2	17,5	4	36,9	16,1

I – все государственные расходы;

II – социальные трансферты без расходов на образование.

Источник: Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 1. – С. 11.

Использовали США и протекционистские способы защиты своего рынка, пока их экономика не стала самодостаточной и не вышла за пределы границ собственно США. Вспомним хотя бы торговые войны в 70-е годы с Европой, с Японией. В чем роль государства не может быть подменена рынком? Трудно найти пример в мировой экономике, где на ранней стадии формирования рынка бизнес тратился бы на фундаментальную науку, без которой невозможно сориентироваться и в прикладной, на НИОКР, на создание инфраструктуры экономики, на дороги, на оборону. Вряд ли нарождающийся бизнес в условиях рухнувшей экономики, как у нас в 90-е годы, найдет в себе силы защитить себя даже на внутреннем рынке, если его открыть для притока алчных спекулятивных денежных мешков и залежалых стратегических запасов товарной массы, а тем более на внешнем рынке. Все эти функции должно взять на себя государство. Все страны на стадии развития использовали протекционизм для укрепления экономики.

Вообразать, что экономика России уже стала высокоиндустриальной, может только больной. Для слаборазвитой страны открытая экономика – это тормоз. США, куда как развитое государство, и теперь не гнушаются использовать тарифное регулирование, отлично выполняют свою роль в интересах национального бизнеса, как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Причем государство (помимо частного капитала) делает немалые и социальные отчисления, как, впрочем, и европейские страны, хотя они (в отличие от России) и не позиционируют себя как социальные государства:

Доля государственных расходов в ВВП за 1950–2015 гг.:

Могущество США росло особенно активно, когда Европа переживала трудные времена: в конце XIX века, во время Первой и Второй Мировых войн (промышленные группы активно сотрудничали с фашистской Германией, одновременно поставляя в долг оружие СССР). Экономическая мощь позволяла делать большие инвестиции и в социальную сферу. Напористой политике в интересах роста экономики способствовала навязанная миру зависимость от доллара, подкреплённая при необходимости всей военной мощью. Оппоненты могут обратить внимание на снижающиеся военные расходы, которые, тем не менее, номинально значительно превосходят российские. Однако надо понимать, что все страны НАТО вносят свою лепту в расходную статью, именуемую «оборона». При восстановлении разрушенного хозяйства, как в Европе после войны, как у нас после 1945 года и еще более разрушительных 90-х годов, экономике необходимы тепличные условия, как для саженца, прежде чем он пустит корни и станет крепким деревом. Плоды приносит только зрелое дерево. Рынок – инструмент, которым надо уметь пользоваться. И как всякий инструмент, он требует квалифицированного подхода. Для создания конкурентной среды надо в собственной стране взрастить то, что должно конкурировать. В 80-е годы прошлого столетия рынок при разумном его введении в хозяйственные отношения мог и должен был бы сделать нашу страну мощной. Ведь все предпосылки к тому были: богатейшая сырьевая база, научные кадры, квалифицированная рабочая сила, капитал, сконцентрированный (особенно в результате денежной «павловской» реформы, реквизиовавшей у населения 300 млрд.рублей) в руках государства, который мог быть направлен на создание мощных промышленных групп со смешанным капиталом на базе существующих предприятий. Не сделал, потому что все усилия реформаторов, как показала практика, были направлены на разрушение, а не на созидание. Возможно, исключительно из-за своей некомпетентности. Впрочем, может быть и намеренно, потому что казна оказалась пуста, из государственной экономики, как и со счетов населения, деньги утекли в чьи-то карманы. Когда в дом (или государство) пришла беда, а в нём начинают хозяйничать посторонние, – это в нормальном обществе называется мародёрство. Если присмотреться, 90-е годы у нас имеют все признаки этого явления. Латание дыр в бюджете привело к галопирующей инфляции и развалу государства. Наиболее прибыльные, «рентабельные» сырьевые отрасли прямо или косвенно перешли в частную собственность, но дивидендами с населением и прибылью с государством делиться и по сей день не спешат: «Аргументы недели» сообщают, что в 90-е годы доходы от продажи газа были в два раза больше, чем от продажи нефти. Сейчас значительно меньше. При этом нефтянка отдаёт государству с каждого рубля 41 копейку, а Газпром – 17 копеек. Конечно, каждый год по-разному. Иностранные деньги, почему-то именуемые у нас инвестициями, скупая всё по копейке, играли, за редким исключением, скорее деструктивную роль в экономике. Вспомним нападки на атомную промышленность и опустевшие цеха «Атоммаша», на космическую отрасль и затопленную станцию «Мир», на военно-промышленный комплекс, где иностранный капитал помогал, например, уничтожать труд многих поколений – станки, лаборатории, ракеты, танки и суда, отправляя их на металлолом, вспомним солдат, которым нечего было есть. Американцы в 1991 г. заявили, что берут на себя обязательство компенсировать оружие, уничтоженное в СССР сверх количества, предусмотренного международными соглашениями,

бесплатными поставками из США зерна, мяса, масла. На это предложение министр Э.Шеварнадзе заявил: «По нему (этому предложению) будут вестись дальнейшие переговоры». Вот и рады были стараться – производство ракет практически остановилось, экспорт и выручка от экспорта военной продукции упали, рынки теряли, а много ли население получило бесплатного мяса и масла? Вспомним, как задушили отсутствием денег в реальном секторе экономики и у населения текстильную промышленность, которая только накануне, к 90-му году, была переоснащена новым оборудованием, а портфель заказов на 1992 г. составил только 20% от обычного объема, практически ликвидировали станкостроение...

Для экономики, лишившейся промышленного сектора, практика воплощения идей монетаристской теории была равносильна самоубийству. Но самое поразительное, что эта политика (схема контроля экономики через банки), предложенная когда-то в том числе М. Ходорковским (тогда советником Председателя Совета Министров РСФСР), «работает» против развития производства до сих пор, а правящий класс этого продолжает не видеть. Не вдаваясь в теоретические измышления, обратим внимание на следующее наблюдение: денежная масса растет, как и номинальный ВВП, т.е. в текущих ценах, а в ценах 90 года экономика падала все годы реформ и лишь иногда топталась на месте. В реальном секторе экономики как в 90-х годах, так и сейчас денег стабильно недостает. «Регулирование» денег в промышленном секторе через коммерческие банки у нас приводит к тому, что именно в промышленный сектор деньги и не доходят. Объясняют это с точки зрения монетаристов сдерживанием инфляции и повторяют ошибки 90-х годов. Что такое инфляция? – самое простое – это баланс (вернее дисбаланс в пользу денег) между товарной и денежной массой в государстве. Т.е. как минимум есть два фактора, через которые можно влиять на денежный рынок в стране. Можно ограничить приток денег в реальный сектор экономики (как Правительство и действует, но почему-то денежные вливания в банковский и финансовый сектор его не беспокоят) и можно работать на прирост товарной массы, но не через импорт, а через производство. Одновременно это сыграло бы и на рост покупательной способности населения. Нет, чиновники, по существу, ограничивая производство (через банковский «контроль»), слепо следуют по образцу стран, в которых есть проблема перепроизводства. Это же очевидно. Возможно, для экономики, в которой наметилось перенакопление основного капитала, монетаристские способы регулирования и помогают преодолеть кризис, но для экономики, где произошло сокращение основных средств на 70%, это губительно. Сокращение инвестиций в реальную экономику при попытке поддержания потребления на прежнем уровне (демагогические заявления о якобы росте заработной платы – еще одно свидетельство заблуждения Правительства), напротив, создает предпосылки для ускорения инфляции – растут цены (товары преимущественно импортные) и вынужденно растет средняя номинальная зарплата. При этом товарная масса сокращается, что раскручивает инфляцию.

Виновато ли в этом государство? Да. Лоббируя курс на поддержание банковского сектора, и бросив на произвол судьбы как базовые, так и вторичные отрасли (выделим из них в отдельную статью ВПК и космос), государство несет ответственность за отсутствие благоприятной среды для возрождения экономики. Частный капитал в России не готов делать долгосрочные вложения в станкостроение, возрождение строительной индустрии, нефтехимию, судостроение, авиастроение. Сдвиги небольшие в этом направлении наблюдаем: гордимся сборкой самолета МС-21, а много ли мы из него производим? На государстве лежит обязанность инициировать именно производство. Но оно пока озабочено пополнением бюджета, из которого деньги непрерывным потоком текут в частный сектор и там бесследно теряются. Если денежно-кредитная политика – это кровеносная система экономики, то в российской кровеносной системе много ран, из которых вытекает вся живительная сила этих денежных потоков. В результате в стране число миллиардеров растет при одновременном обнищании населения. Эти факты государство не заботят, оно утешает себя байками о росте средней заработной платы (средней

между миллиардером и сантехником) и ищет способы пополнения бюджета и намерено идти на новые попытки приватизации некоторых государственных активов, чаще по их балансовой стоимости (особенно после падения курса рубля) в долларовом исчислении. Это преступление идеологов реформ против самого государства опять же в духе 90-х годов. В целях приватизации разрозненных остатков основных средств рынок как бы становится не нужен. Ведь приватизируется чужое, в смысле государственное (народное). Население при этом не участвует из-за отсутствия денег. Получается «междусобойчик», поэтому фактически объявляется не рыночная стоимость, а почти балансовая (особенно при пересчете в доллары). Здесь взаимодействие государства и бизнеса сводится к перераспределению средств, собранных с миру по нитке (в смысле со всего населения), и передаче их в частные руки. В то же время налоги на недвижимость и движимость с собственного населения должна строиться почему-то по рыночной цене.

На сегодня соотношение доли государства и частного капитала в создании ВВП, если судить по численности занятой рабочей силы, дает соотношение – 25:75. При этом 25 – это то, что удалось возродить или построить опять в военной, космической отраслях, в атомной энергетике, т.е. то, что за последние 10–15 лет выросло, а 75 – это остатки машиностроения, металлургии, но главным образом это – нефть, газ, торговля, финансовые услуги. То, что в экономике называется базовыми отраслями, представлены немного металлургией, химическими удобрениями, нефте-газопереработкой, но в основе своей практически исчезли. В результате приватизации во многих отраслях не стало не только государства, но и частного бизнеса. Например, в станкостроении. Только вдумайтесь: почти все предприятия, от которых государство отказалось, и которые были приватизированы, в короткий срок были ликвидированы. На них сразу распродавалось оборудование на металлолом. О какой эффективности частной собственности после этого может идти речь? Частная собственность в России началась с банкротств и продолжает демонстрировать свою неэффективность по сравнению с государственной. А нам говорят о неэффективности государственного управления. Возможно, да, если иметь ввиду не производство, а армию чиновников, значительно превосходящую их численность в СССР. В общем-то, это понятно: денежные потоки из бюджета надо направлять в «правильные» русла. В реальном секторе такой произвол привёл к отсутствию роста и значительному сокращению рабочих мест. Вот что у нас значит «как можно меньше государства». И, тем не менее, вопрос дальнейшей приватизации всё время на повестке дня. Идеологам «свободного рынка» надо его еще меньше. Как и в случае с инфляцией, выбор падает на худший вариант. Вместо того чтобы наращивать частный капитал в экономике (добиваясь перевеса путём роста имущественного капитала), меняя соотношение в пользу «частного капитала и свободного рынка», и снижать пропорционально долю государства, нам опять предлагают приватизацию, т.е. не через рост пирога, а через перераспределение того, что исторически досталось нынешнему бизнес-поколению. Включается опробованный механизм: отобрать и поделить. Это – по-революционному. При этом частный капитал после приватизации долго в стране не задерживается и, перепродав или обанкротив приватизированный актив, утекает за границу. Доля государства опять становится заметной, хотя ужалась до минимума. И почему образцом для Правительства остаются Соединенные Штаты, где доля государственных расходов в ВВП не уступает доле государственного сектора в России? Почему, например, не Австрия, которая до второй половины 80-х годов прошлого века при значительной доле государства в экономике развивалась темпами, превышающими многие европейские страны? Страна, которая не имеет выхода к морю, но располагает торговыми судами. У нас частному сектору по-прежнему недостает умения и желания увеличить свою долю в произведенном ВВП за счет наращивания производства. Санкции, ограничения в торговле, с которыми столкнулась Россия в последние годы – это шанс, хватило бы ума им воспользоваться возродить недостающее разрушенное производство. Шанс такой же, как для Японии в 70-е годы. Там накануне нефтяного кризиса 1973 г. структурная перестройка

уже назревала. Экс-председатель фирмы Кэйданрэн Т. Доко подчеркивал, что нефтяной кризис имел и положительное значение: без него «экономика страны продолжала бы упиваться счастливой мечтой о вечном быстром росте и очнулась лишь тогда, когда было бы слишком поздно». Использует ли шанс наша экономика? Вопреки утверждениям либерального крыла Правительства, этот рост невозможен без конструктивного участия государства. К сожалению, если оставить за скобкой то, что Правительством делается для обороны, для космоса, в целом оно пока играет не очень позитивную роль: всё «регулирование» сводится к наполнению бюджета, издавая множество законов и поправок к ним, ужесточая ответственность, а не поощряя развитие. При этом ответственность за свои порой некомпетентные действия законодательством не предусматриваются. Повышая налоги, штрафы, акцизы, которые косвенно влияют на затраты, на раскручивание инфляции, и в конечном счете в условиях низкой покупательной способности населения и производственного сектора, тормозят развитие бизнеса. Ведь крупное производство – это долговременные капиталовложения, но только крупное производство может стимулировать мелкий и средний частный бизнес в производственной сфере. В интересах государства развивать частный сектор путём низких процентов на кредиты, путём прямого выхода производителей на финансовые ресурсы, а не через посредников, и в интересах мелкого и среднего бизнеса иметь в лице государства партнера там, где нужны крупные капиталовложения на длительный срок, чтобы быть ему партнером в текущих расходах. Однако государство не проявляет интереса к возрождению утраченных позиций в промышленном секторе. И хоть там нет конкурентов, частный бизнес тоже туда не идёт, т.к. предпочитает ускоренную оборачиваемость инвестиций. Отсутствие структуры, заинтересованной в долговременных промышленных капиталовложениях, реально сдерживает рост частного бизнеса в крупном производстве. Речь не идет, конечно, о сырьевом или банковском секторе, их государство, напротив, опекает. Иностранные инвестиции, на которые особенно надеется и рассчитывает нынешнее Правительство, на это не способны, т.к. предшествующие 30 лет убедительно показали их полную в этом незаинтересованность. Либо государство наше не сумело надлежащим образом обусловить (с выгодой для государства) его приток: например, цены на приватизируемый объект, который попал в поле зрения иностранного инвестора, должен (раз уж выходит на мировой рынок) соответствовать мировому уровню, либо не захотело. Для иллюстрации безалаберности в этом деле в 90-е годы за примерами далеко ходить не надо: одним из первых был приватизирован у нас насосный завод им. Калинина вместе с двумя его филиалами всего за 9 млн. рублей. Если основными совладельцами завода стали рабочие – это одно, если Siemens (или другой иностранный заинтересовавшийся инвестор) – совсем другое, и должны быть другие цены. И гараж Ленинградского обкома КПСС был приватизирован за 9199,6 тыс. рублей. Вести речь о балансовой стоимости при таком соотношении значимости объектов и цен просто некорректно. Практика приватизации по цене металлолома должна быть осуждена и забыта. Нам могут возразить, что отсталое производство никто не купит по мировой цене. Во-первых, отметим, что не везде оно было отсталым, во – вторых, даже отсталое производство – это производство, а не металлолом. Китайцы копировали наши станки, не считая их отсталыми. И цены должны быть сопоставимы с аналогом производства страны – «инвестора» с поправочным коэффициентом. Но, похоже, те, кто проводил приватизацию, с такими понятиями были совершенно не знакомы, либо в этом и состояла их задача. Практика показала: задёшево покупали, чтобы обанкротить. Если стоимость металлолома после сдачи станков в утиль перекрывает первоначальные вложения, никто не будет утруждать себя (тем более, если нет никакого опыта) организацией производственного процесса. Цена, грамотно рассчитанная с учетом морального и физического износа должна быть привлекательной для инвестиций с последующей отдачей вложенных средств через технологическое обновление и рост производства, а не через свертыwanie производства и поставок продукции из-за границы. Только в том случае нелепо будет тратить деньги на приобретение актива, если вложенные средства не скоро

окупятся через перепродажу в металлолом и последующие поставки продукции на освободившийся рынок. Бесплатное распределение акций предприятий среди работников было бы альтернативной формой приватизации экономически более выгодной для государства: предприятия продолжали бы работать и хозяйственные связи сохранились бы. Уповать на иностранные копеечные инвестиции, прибыль от вложения которых выводится за границу, а не реинвестируется в российскую экономику, значит рассчитывать максимум на стагнацию экономики, но не на развитие. Ведь опыт прошлых лет это показал. Приток и отток иностранного капитала дал понять, что рассчитывать на стабильность развития, опираясь только на иностранные инвестиции, даже если они российского происхождения, нельзя. Индия только тогда и начала развиваться, когда освободилась от колониальной зависимости. Россия наоборот поставила себя в зависимое положение от «партнёров» и их «консультантов», от доллара, от нефти, и вся постсоветская история превратилась в историю перетекания из кризиса в кризис. Представляется, что для преодоления кризиса государство должно усилить не контролирующие и репрессивные рычаги (они разработаны уже в достаточной, если не в чрезмерной, степени), а стимулирующие. Контролирующие механизмы нужны, особенно в части, касающейся использования бюджетных средств и цен на потребительском рынке. Не будем забывать, что во Франции цены контролировались до 1986 г., а у нас наоборот, начали рыночные реформы со свободного роста цен и падения курса рубля. Практика показала, что крах экономики СССР и самого государства начался с разрушительной кредитно-денежной политики Павлова и продолжался все 90-е и нулевые годы.

Какие могут быть стимулирующие и регулирующие меры? Попробуем их обозначить.

Бизнес, преследуя экономическую выгоду, всегда будет стараться ущемить интересы наемной рабочей силы путем невыплаты, сокращения или задержки выплаты зарплаты. Чем дешевле бизнесу обходится рабочая сила, тем ему лучше. Мы имеем немало примеров, когда рабочая сила находилась в рабском положении. При значительной доле своего безработного населения иммигранты создают дополнительное давление на снижение среднего заработка. Только этим привлекательна иностранная нелегальная иммиграция. Одновременно крупный бизнес всегда будет вытеснять конкурента в лице мелкого или среднего предпринимателя, если он не является аффилированным членом крупной компании, чтобы занять монопольное положение. В нормальном государстве роль арбитра выполняет законодательная власть. Если в государстве законодательство работает как дышло, то регулирующая роль не исполняется. В стране царит анархия, в которой чиновник начинает играть ключевую роль. Если в законодательстве масса пробелов, если один закон противоречит другому, то это повод усомниться в компетентности законодательной власти.

Понятно, что когда товар производится или завозится по импорту, необходимо его кому-то продать. Но если население не будет работать, зарплату не будет получать, а вместо неё – мизерное пособие по безработице и такие же пенсии, – некому будет покупать. Это – путь к краху экономики: низкая покупательная способность – это отсутствие стимулов для роста производства. Это – прописная истина, но она игнорируется. Проиллюстрируем на маленьком примере:

В Москве заметно меняется структура бизнеса в пользу крупных торговых компаний, чаще с иностранным капиталом. Еще 10 лет назад в городе было множество мелких киосков и прочих торговых прилавков вблизи каждого дома. Теперь – торгово-развлекательные центры и комплексы с импортными товарами. Чисто стало, красиво, но целой армии мелких предпринимателей стало некуда деваться. И об этом власть города заранее должна была задуматься и для всех предпринимателей найти новую торговую площадку. Мэр утверждает, что есть масса свободных торговых мест, но умалчивает (не знает или делает вид, что не знает) сколько запрашивают за метр площади владельцы или распорядители этих площадок. Все крупные торговые

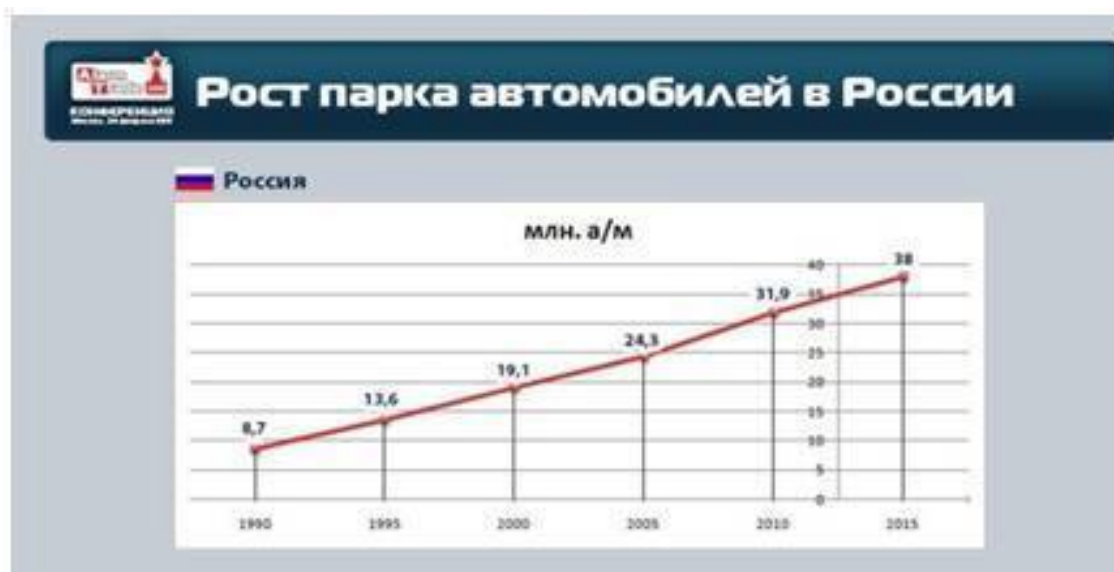
центры забиты товарами западных конкурентов из-за отсутствия российского производства. Беда в том, что покупателей мало. Вот к чему привела ликвидация мелких сетей.

Н. А. Гайнутдинов, председатель комитета правительства Москвы по реформированию городского хозяйства, приводит такие сравнительные данные по распределению экономически активного населения в экономике Москвы (%):

Секторы экономики	Распределение занятых по отраслям						
	Москва				Лондон	Нью-Йорк	Токио
	1990	1995	2000	2006	2002	2000	2001
Промышленность	22	17,8	13,3	9,9	6,1	6,4	15,2
Строительство	13,3	13,6	15,4	14,9	3,4	3,2	7,6
Транспорт и связь	7,6	7,2	8	7,4	7,8	5,5	6,5
Торговля, общественное питание	10,4	14,6	18,9	28	22,7	16,5	25,4
Финансы, страхование и операции с недвижимостью	0,6	2,6	2,7	5,4*	32,0**	12,9	6,6
Другие виды услуг	37	31,2	27,4	34,4	22,5	39,5	32,1
Аппарат органов управления	3,8	3,2	3,8		5,2	14,9	2,8
Другие отрасли	3,8	4,7	10,5		0,2	0	3,3

(Статья из сборника «Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н. А. Слуги – М.: ООО «Аванглион», 2007.)

Статистика заканчивается 2006 годом, но тенденция очевидна: в промышленности число занятых сократилось почти вдвое, а выросло в каких-то «других отраслях». Трудно представить, чтобы рабочие из промышленности перешли в какие-то «другие отрасли» или вдруг стали поварами. Достаточно пройти по рынкам, точкам общественного питания, чтобы понять, что рабочие с завода им. Лихачева, АЗЛК, цементного, приборостроительного или станкостроительного сюда торговать картошкой или готовить окрошку не пришли. За этими сухими цифрами не видно, куда они могли деться. Так же теперь и мелкие предприниматели остались у разбитого корыта. О людях кто-то должен был подумать. Но, очевидно, некому. Ведь позаботиться о ком-то – значит, проявить принцип справедливости, а это теперь не в чести. Приватизация высвободившейся от «балласта» строительной площадки для офисов, как и приватизация власти, по словам всё того же М. Ходорковского, «не является средством достижения справедливости». В этом мы продолжаем убеждаться. Между тем среди развитых стран доля социальных расходов в России почти самая низкая. По здравоохранению в 2013 г. – 7% против 17% в США, 12% в Молдавии и Франции, 11% в Швейцарии и Германии, на Кубе, в Словении, Великобритании, Испании, Италии и пр. – 9%. (<https://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-health/info>). При этом в России продолжают сокращать больничные койки, закрывают в сельских районах больницы и медпункты. Аналогичная «оптимизация» происходит и в других социальных сферах. Почему в России вся регуляция рынка сводится к закрытию и сокращению? Другой пример того, как рынок должен был всё отрегулировать и не отрегулировал в пользу роста производства на примере такой отрасли, как переработка нефтяного сырья – в таблице ниже: парк автомобилей в России вырос почти в 4,4 раза, следовательно, должен также подскочить спрос на бензин и, соответственно, производство. А что происходит на самом деле?

Год	Мощность по сырью, млн. т.	Первичная переработка, млн. т.	Загрузка установок по первичной переработке нефти, %	Производство основных нефтепродуктов, млн. т.			Глубина переработки нефти, %	Доля от объема первичной переработки, %
				Авто-бензин	Диз-топливо	Мазут		
1990	351	300	85	41	75,6	95	67	70,53
2012	279	266	95	38,2	69,7	74,5	71,5	68,57

Бензина становится всё меньше. Где регулирующая роль рынка или государства? Значит, всё это лишь пустые разговоры, и практика это показала!? Приведенные выше данные являются официальными!

Занятость рынок тоже регулирует в сторону сокращения. Здесь – объективно: ведь сокращаются мощности, новые не строятся. Если государство по конституции «социальное», а относительное обнищание населения (относительно роста цен, тарифов, темпов инфляции и доходов верхних слоев общества) имеет тенденцию к росту, то это тоже значит, что государство лишь на словах проявляет заботу о населении, прикрывая эту мнимую заботу удобной статистикой. Как плохие ученики в школе, чтобы не портили показатели, получают оценки, не снижающие средний балл, так и рабочие ликвидированных заводов, предприниматели, закрывшие свое дело, а также завтрашние «пенсионеры», не доработавшие до пенсии год или два попадают в «другие отрасли», чтобы не омрачать «успехи реформ». Правительство Японии, например, регулирует фармрынок, сохраняя баланс интересов на рынке фарминдустрии, обеспечивает приемлемые для населения цены и одновременно стимулирует развитие отрасли: каждые два года снижает (!) цены на лекарства, тем самым сокращая прибыль компаний. В свою очередь это побуждает компании искать новые рынки, чтобы зарабатывать на обороте, а не на росте цен. Одновременно это стимулирует источники снижения затрат (Сидзи Хонда, вице-президент по корпоративной стратегии фирмы «Такэда»). Такие жесткие ценовые меры повышают конкурентоспособность. У нас, наоборот, государство предпочитает устанавливать минимальные цены (чтоб не ниже..., если натуральное, то самое дорогое...), но при этом понижает экспортные таможенные пошлины на сырьё в пользу его иностранных потребителей. А на обороте, если и зарабатывают, то только на теневой стороне: примером может быть распространение малых нефтеперерабатывающих производств, которые обслуживают эту сферу. Непонятно, правда,

какого качества там нефтепродукты, статистики нет и по количеству переработанной нефти. Не прослеживается и связь между крупными нефтегазовыми компаниями и этими малыми НПЗ. Однако нельзя исключать, что эти мини – НПЗ (если они – не фантом) и есть аффилированные малые предприятия при нефтяных гигантах (ведь откуда-то нефть к ним поступает), а результат их деятельности Росстат не учитывает. Хуже в других отраслях, где разрушено полностью производство. Там нет стимулирующего звена подобно нефтегазовым гигантам. Его надо создавать. Им могли бы стать предприятия со смешанным капиталом – государственным и частным. Убежден, что всякое крупное производство будет стимулировать мелкое и среднее производство комплектующих и других смежных производств. Инициатором здесь может выступить только государство (бизнес демонстрирует своё нежелание). Важен только контроль качества, особенно в жизнеобеспечивающих отраслях.

Если ресурсы в земле и добытые действительно являются народным достоянием (современная Конституция, правда, это не утверждает), было бы справедливым денежный эквивалент их стоимости направлять в первую очередь в фонд социального обеспечения. Это в нашем случае сделать трудно, потому что энергоресурсы обеспечивают львиную долю доходов в бюджет государства, но хотя бы пускать в дело, а не в частное владение, тем более иностранному «инвестору». Однако и здесь можно вспомнить мнение советника предсовмина РСФСР, приведенное выше, которому неукоснительно следует Правительство и сегодня. В переводе на русский: забудьте о социальной справедливости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.